

ГЛАВА VIII

25 НОЯБРЯ 1741: «ПАТРИОТИЧЕСКИЙ» ПЕРЕВОРОТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону...
М.В.Ломоносов

Существовала ли «партия Елизаветы»?

По свержении Бирона центром притяжения интриг стали «малый» двор цесаревны Елизаветы и посол Франции маркиз де ла Шетарди.

Уже в начале декабря 1740 г. шведский дипломат Э.Нолькен информировал его о наличии у принцессы своей «партии», в которую якобы входили обер-прокурор Сената И.И.Бахметев, генерал-майор Г.А.Урусов, обер-комендант столицы С.Л.Игнатьев. Помимо названных выше лиц, Елизавета рассчитывала на поддержку канцлера А.М.Черкасского и архиепископа Новгородского. В числе своих сторонников она назвала шефа Тайной канцелярии Ушакова, а также «всех офицеров гвардии русского происхождения», которых должны поддержать полки Петербургского гарнизона и сотни ее приверженцев в провинции.¹ Позднее сама Елизавета объявила Шетарди, что на ее стороне князя Трубецкие (генерал-фельдмаршал и генерал-прокурор Сената) и гвардейский подполковник принц Людвиг Гессен-Гомбургский.²

Контакты Нолькена с Елизаветой (через ее доверенного врача Армана Лестока) подтолкнули маркиза к действиям. При личных встречах с послом в начале января 1741 г. цесаревна заявила о готовности ее «партии» к немедленному выступлению, «как только придут иностранцы с явным намерением поддержать права потомства Петра I». Под иностранцами принцесса подразумевала готовившуюся к реваншу Швецию, а наследником при вступлении на престол хотела объявить своего голштинского племянника.

Таким образом, из донесений Шетарди следует, что уже в начале 1741 г. против непопулярных правителей образовался заговор во главе с Елизаветой. Шетарди даже обратился к начальству за санкцией на свое участие в готовившейся акции. Однако Елизавета не решалась выступить без

шведской поддержки, но в то же время упорно отказывалась подписать документ, содержащий обещание территориальных уступок Швеции в обмен на помощь в возведении ее на престол.

Насколько реальна связь деятельности описанной выше «партии» Елизаветы с произошедшим в ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. переворотом, который стал явной неожиданностью для французского посла? Что вообще нам известно о заговоре, связь которого с переворотом 25 ноября 1741 г. подчеркивается в исторической литературе?³

Безусловно, в «переворотной» атмосфере конца 1740 г. у Елизаветы вполне могла появиться мысль об изменении ситуации в свою пользу. Принца Антона она даже при солдатах его полка не стеснялась называть «дурачком». ⁴ Отношение к правительнице угадать труднее. Манштейн указывал, что в первые месяцы после свержения Бирона Анна Леопольдовна и Елизавета находились «в величайшем согласии». Дочь Петра I стала восприимчивой дочери правительницы; сама Анна и получала, и делала подарки родственнице от себя и от имени малолетнего императора, которому Елизавета, в свою очередь, подарила два пистолета и ружье.⁵

Однако в беседах с Нолькеном Елизавета уже в декабре 1740 г. предполагала, что ее соперница стремится провозгласить себя императрицей; этими же опасениями делился с Шетарди Лесток. За домом Елизаветы и посещавшим его французским послом по инициативе принца Антона в январе 1741 г. была установлена слежка.⁶

В апреле 1741 г. английский посол Финч по поручению своего правительства конфиденциально известил Остермана и принца Антона: из полученных в Стокгольме докладов Нолькена следует, «будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу». ⁷ В числе активных участников заговора были названы Шетарди и Лесток. Но эта информация не вызвала никаких мер предосторожности, если не считать неожиданного предложения Остермана английскому послу ... напоить Лестока для выяснения содержания ночных бесед принцессы с французским послом. Естественно, британский дипломат от подобного «задания» уклонился.

Поведение министра тем более странно, что он был информирован о приближавшейся войне со Швецией и точно назвал Финчу дату ее начала. Ведь в это время — если судить по данным Шетарди и Нолькена — сложился заговор офицеров гвардии во главе с отвечающими за безопасность столицы генералами. Однако сохранившиеся материалы Кабинета и Тайной канцелярии не содержат никаких распоряжений по этому делу. К тому же А.И.Ушаков демонстративно уклонялся от контактов с Шетарди, чем вызвал беспокойство посла и его начальства. О каких-либо действиях (или хотя бы словах) в пользу Елизаветы со стороны Трубецких и принца Гессен-Гомбургского также ничего не известно. Все названные царедворцы сохранили свое положение и с воцарением Елизаветы; но ни один из них не принимал непосредственного участия в перевороте.

Однако Елизавета и не скрывала от дипломатов отсутствия у нее организованной поддержки: «На здешний народ не надо смотреть, как на

прочие нации, где для успеха плана необходимо, чтобы все меры были обдуманы, приняты и обусловлены заранее, здесь же... слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению; главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, все двинулось бы как снежная лавина: всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха; в худшем же случае она, принцесса, предложит себя в предводители гвардии».⁸

Цесаревне нельзя отказать в понимании трудности стоявшей перед ней задачи: в условиях склок и разброда создать сплоченную опору среди высших сановников было едва ли возможно. Но интересно, что кандидатка на трон предполагала обратиться к гвардии только в «худшем случае». Очевидно, началом «лавины», которая должна была вознести ее к власти, могла стать смерть царя-младенца. В разговорах с Шетарди она не раз высказывала предположение, что мальчик «неприменно умрет при первом сколько-нибудь продолжительном нездоровье».⁹

В этом случае — при отсутствии другого законного наследника «из того же супружества» — завешание Анны Иоанновны теряло силу, Анна Леопольдовна лишалась всяких оснований претендовать на регентство, а Елизавета обретала бесспорные права на престол как дочь царствовавшего императора. В такой ситуации выступление нескольких высших должностных лиц вполне могло предоставить дочери Петра корону без какой-либо силовой акции.

Но прогноз близкой смерти императора оказался ошибочным, а переговоры с Нолькеном и Шетарди подталкивали принцессу к действиям накануне шведского вторжения. Шетарди подробно освещал в своих донесениях, как они с Нолькеном пытались добиться от Елизаветы согласия на ревизию условий Ништадтского мира. Но о конкретной подготовке переворота он мог сообщить очень немного, и то со слов Лестока или другого поверенного принцессы — Христофора-Якова Шварца, саксонского искателя приключений, успевшего съездить с посольством в Китай, поступить на службу в географический департамент Академии наук и состоявшего придворным музыкантом Елизаветы.

В переписке Шетарди не раз упоминался «план принцессы Елизаветы», но о конкретных исполнителях этого замысла ничего сообщить не мог. Только в депеше от 19 мая 1741 г. он упомянул о каких-то, согласно информации Шварца, готовых к действию гвардейских офицерах. Затем Шварц передал послу, что некие офицеры были взволнованы предполагавшимся браком Елизаветы с братом Антона Брауншвейгского, принцем Людвигом.¹⁰

Заявления Елизаветы о готовности ее «партии» стали вызывать сомнения у дипломатов. Перед отъездом Нолькен настойчиво пытался уточнить количество ее сторонников в гвардии, но Елизавета ограничилась лишь обещанием действовать со своей «партией» мужественно. Уже после начала военных действий в августе она поставила в известность Шетарди, что раздала своим сторонникам 2 тысячи рублей; в начале сентяб-

ря Шварц сообщил послу о раздаче принцессой по 5 рублей каждому из отправленных на фронт в составе гвардейского отряда солдат, в связи с чем занял у Шетарди 8 тысяч червонных.¹¹

На этом вся информация французского посла о подготовке заговора заканчивается. 15 сентября Елизавета заявила Шетарди, что действия ее приверженцев будут безуспешны, пока шведы не сделают всего, что обещано, т.е. объявят о появлении в Швеции голштинского принца и распространят прокламацию против «иноземного правления» в России.¹² Обещание было исполнено. Однако на русскую армию шведский «пашквиль» никакого впечатления не произвел. Зато реакция правительства была резкой: в один день 22 сентября к главнокомандующему П.П.Ласси полетели указы о вскрытии поступавшей почты в Риге и Ревеле, о жестокой расправе с распространителями «бесчестных писем» с неприятельской стороны: их «живыми на кол посадить надлежит». Все солдаты и офицеры, обнаружившие подобные воззвания, должны были немедленно сжечь их «бес прочтения» под страхом жестокого наказания.¹³

С этого времени и до самого переворота Шетарди так и не смог сообщить в Париж ничего обнадеживающего о действиях «партии» принцессы. За день до переворота посол уже без всякого энтузиазма докладывал: «Если партия принцессы не порождение фантазии (а это я заботливо расследую, обратившись к ней с настойчивым расспросом), вы согласитесь, что весьма трудно будет, чтобы она могла приступить к действиям, соблюдая осторожность, пока она не в состоянии ожидать помощи».¹⁴

Можно предположить, что инициаторы заговора скрывали свои планы и состав участников от Шетарди. Но тогда трудно объяснить тот факт, о котором французский посол сообщал 15 (26) октября 1741 г.: к нему в полночь явился камергер Елизаветы с заявлением, что, по сведениям принцессы, царь умер, и спросил, что делать.¹⁵ Шетарди спросонья вынужден был давать инструкции: Елизавете нужно срочно «сговориться с членами партии» и лично возглавить их. И это при наличии широкого круга заговорщиков-офицеров во главе с опытными генералами и при поддержке первых лиц государства?

Проявленная Елизаветой беспомощность, как и отсутствие сведений о ее сторонниках, заставляют предположить, что заговора с участием высокопоставленных лиц не было. Все сведения о нем содержатся лишь в донесениях Шетарди и Нолькена, которые получали их со слов самой Елизаветы, Лестока и Шварца и не имели возможности их проверить. Напомним, что предупреждение Финча о заговоре также основано на полученных англичанами в Швеции данных из донесений Нолькена, к которому они поступали из тех же источников.

Если усомниться в реальности такого заговора, становится понятным отсутствие каких-либо данных о нем в делах Кабинета и Тайной канцелярии. Объяснимо тогда отсутствие репрессий со стороны правительства и после сообщения Финча, и после письма Линара в августе 1741 г., предупреждавшего правительницу о «мятежных замыслах» иностранного министра: ночные разговоры с французским послом беспокоили Остермана, но реальной опасности не представляли. Материалы следствия по

делу министров Анны Леопольдовны не содержат никаких указаний на то, что слежка за домом Елизаветы, продолжавшаяся до осени 1741 г., дала хоть какие-то результаты.

Что касается действительной поддержки планов Елизаветы со стороны вельмож и гвардейских офицеров, то о ней нам не известно ничего конкретного. Но дворцовый переворот все же произошел — с триумфальным успехом и без какого-либо сопротивления. Каковы же были его пружины, если версия о заговоре вельмож и офицеров выглядит не вполне убедительной?

Со времени С.М.Соловьева главной причиной переворота считался патриотический подъем в сознании общества. Выше уже высказывались сомнения в наличии массовой патриотической оппозиции. Приведенные у С.М.Соловьева и Е.В.Анисимова факты относятся только к гвардии (точнее, к ее «старым» полкам) и так же, как свидетельства Миниха-отца и Манштейна, в значительной части извлечены из донесений иностранных дипломатов. Хотелось бы знать, какими в действительности были политические симпатии офицеров, чиновников, да и просто городских обывателей; но пока такой картины у нас нет. Что касается признания прав на престол за Елизаветой, то едва ли оно было однозначным; до нас дошли и совершенно противоположные отзывы.¹⁶ В делах Тайной канцелярии 1741 г. нет упоминаний о правах Елизаветы на престол.¹⁷

Очевидно, фактором, максимально способствовавшим новому перевороту, стала деградация самого режима Анны Леопольдовны летом-осенью 1741 г. Погруженная в личные и семейные проблемы правительница к осени 1741 г., по-видимому, утратила контроль над своим окружением. Но толки о престолонаследии не могли не беспокоить Елизавету и ее сторонников, тем более что существовал проект выдать цесаревну замуж за младшего брата Антона, принца Людвига.¹⁸ Надежды на поддержку шведов рухнули после поражения 23 августа при Вильманстранде; опубликованный манифест о борьбе с министрами-иностранцами никакого отклика не вызвал. Единственной надеждой для принцессы оставалась гвардия.

Гвардия в перевороте 25 ноября 1741 г.

Не возражая против распространенного мнения о популярности Елизаветы в гвардии, мы все же не имеем оснований полагать, что утверждение у власти Анны Леопольдовны было встречено в полках гвардии с неудовольствием. Арестованные при Бироне офицеры вообще не упоминали имени цесаревны в качестве достойной кандидатуры. В первые месяцы правления Анны нам не известно ни одного случая неуважительного о ней отзыва. Правительница явно стремилась добиться расположения гвардии.

Офицеров регулярно приглашали на куртаги. Парады сопровождалась распоряжениями в Дворцовую контору непременно обеспечить их участников двумя чарками водки и пивом, а при нехватке пива «неотменно взять где возможно за деньги, токмо при том смотреть, дабы то пиво было доброе и не кислое и чтоб нарекания на оное никакого быть не могло».¹⁹ Особыми «трактованиями» от дворца для всех штаб- и обер-офицеров отмечались полковые праздники. Именно при Анне гвардейцам стали

выдавать по 10 рублей за несение ночных караулов во дворце.²⁰ В апреле 1741 г. правительница распорядилась платить работавшим на постройке казарм гвардейским солдатам по 4 копейки в день.²¹ В апреле 1741 г. принц Антон распорядился сварить для солдат специального пива на осиновой коре, сосновых шишках и можжевельнике для профилактики цинги.²²

Однако книги приказов по полкам за 1741 г. показывают, что дисциплина в «старой» гвардии была явно не на высоте. Из месяца в месяц повторялись приказы офицерам следить, чтобы их подчиненные «в квартирах своих стояли смирно и никаких своевольств и обид не чинили и без позволения никто никуда с квартир не отлучались». Но солдаты являлись на службу «в немалой нечистоте», «безвестно отлучались» с караулов, играли в карты и устраивали дебоши «на кабаках» и в «бляцких домах». Они же «бесстрашно чинили обиды» обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, «являлись в кражах» на городских рынках и у своих же товарищей (как настоящий вор-рецидивист Кондрат Федудин из Семеновского полка²³), многократно «впадали» во «французскую болезнь» и не желали от таковой «воздерживаться».²⁴ Обычной «продерзостью» стало пьянство, так что приходилось издавать специальные приказы, «чтоб не было пьяных в строю».²⁵

Это, так сказать, рядовые провинности, которые по несколько раз в месяц отмечались в полковых приказах. Но более серьезные проступки показывают, что гвардейцы образца 1741 г. чувствовали себя во дворце и в столице хозяевами положения. Семеновский гренадер Иван Коркин был задержан на рынке с краденой посудой из дома самого «великого канцлера» А.М.Черкасского,²⁶ преображенский солдат Иван Дыгин нанес оскорбление камер-юнкеру правительницы и офицеру Конной гвардии Лилиенфельду.²⁷ Разгулявшиеся семеновцы Петр и Степан Станищевы «порубили» караульных на улице, а заодно и вмешавшихся в драку прохожих.²⁸ Преображенец Артемий Фадеев «в пребезмерном пьянстве» тащил на улицу столовое серебро и кастрюли из царского дворца, а его сослуживец гренадер Гавриил Наумов вломился в дом французского посла и требовал у иностранцев денег.²⁹ Регулярное чтение солдатам «Воинского артикула» и обычные наказания в виде батогах явно не помогали, как и внушения офицерам иметь «смотрение» за вверенными им подразделениями.

Навести дисциплину в гвардии попытался генералиссимус и гвардейский подполковник принц Антон. В мае 1741 г. он повелел восстановить в полках особые гренадерские роты (созданы при Петре I, ликвидированы в 1731 г.), которые должны были стать примером всей гвардии. Книга приказов Преображенского полка свидетельствует, что принц лично отбирал в новую роту солдат и офицеров во главе с капитаном Иоганном фон Зихеймом. Новый командир под руководством самого принца сразу же приступил к муштре и «экзерцициям».³⁰ С лета 1741 г. в адрес гренадеров и других солдат заметно увеличивается количество выговоров и наказаний: солдаты делают приемы ружьем «не бодро», носят не положенные по форме шапки, «виски не потстрижены по препорции», «волосы не завязаны» и т.д. Приказано было новой роте снять мерки и делать новые мундиры и амуницию.

Все эти строгости вместе с тяготами военного времени (запретом отпусков и командированием в августе сводного гвардейского отряда на фронт) явно не способствовали популярности брауншвейгского семейства. Начиная с августа в Тайной канцелярии вновь стали рассматриваться дела о «непристойных словах» гвардейских солдат и прочих обывателей в адрес верховной власти.³¹

Опасности эти «дела» не представляли; виновные карались, в духе правления Анны Леопольдовны, сравнительно легко.³² Но само появление подобных разговоров показывает, что престиж власти к осени 1741 г. в глазах ее непосредственной опоры упал. Тем не менее гвардейские штаб- и обер-офицеры, по-видимому, достаточно лояльно относились к режиму: нам не известно ни одного «антибрауншвейгского» выступления в офицерском корпусе, что особенно заметно по сравнению с «антибириновским» движением осенью 1740 г. Сведениями о недовольстве в других, особенно «новых», полках мы не располагаем, что вроде бы свидетельствует об отсутствии какой-либо заговорщической организации (как это будет в 1762 г.) и действительном переходе инициативы к «нижним чинам».

В сентябре 1741 г. гренадерская рота Преображенского полка (300 человек) была переведена с отдельных квартир в только что отстроенные казармы. Собранные в общих «светлицах» солдаты и унтер-офицеры уже без контроля со стороны начальства (офицеры в казармах не жили, а только с 31 октября 1741 г. посылались по 1 человеку на ночные дежурства) могли обсуждать события во дворце. Помимо дополнительных «экзерциций», у солдат были и другие поводы для недовольства. Им не разрешалось топить печи «годными» бревнами и досками, у только что вернувшихся из похода в Финляндию отобрали казенные шубы; бдительный принц Антон лично распорядился сломать поставленные гренадерами «рогожные нужники», явно не украшавшие окрестности казарм. Солдатам было запрещено обращаться с просьбами непосредственно к герцогу, помимо нижестоящих командиров; гвардейцам-именинникам — являться с калачами во дворец.³³

Сочетание кризиса власти с ее попытками навести порядок путем муштры и повседневных наказаний не могли не раздражать гвардейцев. Но «наверху» этого как будто не замечали: праздники продолжались. Второго октября состоялся торжественный прием персидского посольства. Посол шаха Надира поднес Анне роскошные дары из захваченной в Индии добычи, в том числе 9 слонов.³⁴ 18–20 октября состоялся трехдневный бал с маскарадом в честь годовщины восшествия на престол императора, 7 ноября — бал у Миниха по случаю «благополучно окончившегося первого года правления» Ивана III; 8 ноября Анна праздновала день «восприятия всероссийского правительства»; 15 ноября — бал по случаю дня рождения отца правительницы, мекленбургского герцога Карла Леопольда; 20 ноября Анна устроила банкет для офицеров Семеновского полка.³⁵

Сверкали фейерверки, повара готовили особенные блюда (например, «квашенину от трех скотин»), для увеселения гостей члены иранского посольства демонстрировали «персидские танцы». Правительница блистала в особом «грузинском» костюме на собольем меху и готовилась к

новым балам: на праздник Андреевского ордена (30 ноября) ей срочно шили «кавалерское платье», а ко дню рождения (7 декабря) уже были заказаны сюжеты для фейерверка и разучивалось представление с участием придворных слонов.

Скорее всего, в те веселые дни осени 1741 г. и сложился настоящий «солдатский» заговор, который привел Елизавету к власти. Манштейн, неизвестный автор примечаний на его записки и тщательно собиравший спустя 20 лет сведения о послепетровской истории России А.-Ф. Бюшинг определенно указывали, что агентам Елизаветы Лестоку и Шварцу удалось привлечь на свою сторону нескольких гренадеров Преображенского полка.³⁶

Во главе предприятия стал Юрий Грюнштейн. Разорвавшийся в России саксонский купец-авантюрист успел побывать в татарском плену и в 1741 г. тщетно пытался добиться правого суда с недобросовестными компаньонами у самой Анны Леопольдовны.³⁷ Осенью 1741 г. обиженный купец уже поступил каким-то образом в гвардейские гренадеры и нашел общий язык с Лестоком и Шварцем.

Они и стали главными организаторами заговора, не возбуждая особых подозрений; «засветился» при своих контактах с Шетарди только Лесток. В бумагах М.Г. Головкина сохранились распоряжение об установке за ним наблюдения и соответствующий доклад принцу Антону. Но ничего конкретно в этом отношении не было сделано, и связи агентов Елизаветы с гвардейской казармой так и остались неизвестными. Заговорщики же обладали информацией о поведении их противников. Из донесений Шетарди и опубликованных в «Архиве кн. Воронцова» анонимных сообщений некоего дипломата — очевидца событий из свиты посла — следует, что «камер-юнгфера» Анны и слуга принца Антона докладывали Лестоку и Шварцу обо всех происшествиях во дворце и даже о поступавших к их хозяевам деловых бумагах.³⁸

Елизавета и раздраженные новыми порядками гренадеры быстро нашли общий язык — недовольство казармы обрело формального вождя. Иных сведений о заговоре у современников нет, если не считать известия Манштейна о намерении Елизаветы обратиться к войскам с речью о своем праве на трон во время крещенского парада 1742 г., что было с точки зрения тактики совершения переворота по меньшей мере неразумно.³⁹

Кое-что можно извлечь из пропагандистских сочинений начала царствования Елизаветы, созданных с целью обосновать совершенный ею захват власти. Имеются в виду «краткая реляция» (якобы разосланная русским послам записка с описанием переворота, которую они должны были неофициально пересказывать со ссылкой на полученное из Петербурга частное письмо) и проповеди на ту же тему, предназначенные для формирования общественного мнения внутри страны. Тенденциозность этих сочинений очевидна, но тем интереснее встретить в них «технические» подробности самого переворота, неизвестные по иным источникам.

Так, и «Реляция», и анонимное «Историческое описание», несмотря на все усилия представить поступок Елизаветы вынужденным, проговариваются, что контакты гренадеров во главе с Грюнштейном и цесаревны начались задолго до самого переворота. Упоминалась и договорен-

ность: переворот должен был произойти в период, когда караулы во дворце несли сами заговорщики-преображенцы.⁴⁰ Подобный план имел более реальные шансы на успех, чем театральная попытка обращения Елизаветы к войскам на параде. Однако задуманный переворот пришлось ускорить из-за непредвиденных обстоятельств.

Анна Леопольдовна получала предупреждения о готовившемся перевороте из разных источников, но не придавала им значения.⁴¹ После переворота на допросах Остерман и Левенвольде сообщили, какими сведениями располагало правительство за несколько дней до событий. Главной «уликой» Остерман назвал переданную ему еще весной информацию Финча, которая была доведена до сведения Кабинета министров и самой правительницы. Другими «престорогами» Остерман назвал письмо своего агента Совплана из Брюсселя и сообщение посла А.Г.Головкина из Гааги, также переданные Анне. С письмом Совплана Остерман посылал к правительнице ее обер-гофмаршала Р.Левенвольде.⁴²

Все эти документы, как и письмо графа Линара, были посвящены преимущественно интригам Шетарди и шведского правительства и их контактам с Елизаветой. Именно об этих обстоятельствах и беседовала с Елизаветой правительница во время куртага в понедельник 23 ноября 1741 г., как со слов Лестока описал этот разговор Шетарди.⁴³ Беседа была «горячей» и весьма неприятной для Елизаветы; но никакими сведениями о ее «солдатских» связях правительница не располагала.

Но беседа-допрос должна была подтолкнуть цесаревну к действиям. Опыта конспирации у гренадеров не было, а Елизавету поддерживала далеко не вся гвардия — данных о выступлениях в ее пользу в рядах измайловцев и Конной гвардии у нас нет.⁴⁴ Дела Тайной канцелярии показывают, что совершенный преображенцами переворот одобряли не все: «Честь себе заслужили тем, что пришел в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством», — осуждал их семеновский гренадер Алексей Павлов; его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота «бунтовщиками и стрельцами».⁴⁵

Правительницу ей удалось убедить в своей невинности (Анна даже послала к Остерману сказать, что Елизавета «ничего не изволит ведать»); но Лестоку грозил арест.

В тот же день 23 ноября (как сообщает «Реляция») Елизавета послала за гренадерами, которые заверили ее в своей готовности. В эти дни преображенцы не заступали на караул; утром 24-го один из заговорщиков, Петр Сурин, отправился во дворец договариваться с несшими охрану солдатами Семеновского полка. Согласие было достигнуто, и гренадер предупредил солдата Степана Карцева, что «в сию ночь будет во дворец государыня цесаревна»; о чем сам Карцев сообщил в 1742 г. при поступлении в Лейб-компанию.⁴⁶

Еще одним толчком к перевороту стало поступившее как раз 24 ноября в гвардейские полки повеление принца Антона быть «к походу во всякой готовности»: гвардии предстояло поздней осенью отправляться из столицы на финскую границу.⁴⁷ Но этот приказ, вопреки сложившемуся мнению, не был вызван какими-либо опасениями заговора: отправить

на фронт 2 тысячи гвардейцев Анне рекомендовал сам главнокомандующий П.П.Ласси, и она его доклад одобрила: «Быть по сему».⁴⁸

Вечером 24 ноября 1741 г. к преображенцам отправились инициаторы предприятия во главе с Грюнштейном: солдат необходимо было подготовить к приезду главных действующих лиц. Затем Лесток удостоверился через своих агентов во дворце, что правительница ни о чем не подозревает, и встретился с французским дворянином из свиты Шетарди. От него он получил (как засвидетельствовали оказавшийся в том же доме придворный ювелир И.Позье и сам Шетарди) 2 тысячи рублей для раздачи солдатам.⁴⁹ После 10 часов вечера Лесток покинул дом купца, и последующие два часа были посвящены приближенными Елизаветы последним приготовлениям к перевороту. Вероятно, тогда и был составлен «памятный реестр» для ареста сторонников Анны Леопольдовны, о котором упоминает «Реляция».

Ни военные, ни гражданские власти в столице 24 ноября ни о чем не подозревали. Двор Анны Леопольдовны веселился на последнем в это царствование балу — именинах жены М.Г.Головкина. Около или сразу после полуночи Елизавета вместе с камер-юнкером М.И.Воронцовым и Лестоком прибыла в казармы на полковой двор и застала уже подготовленных к ее появлению солдат. «Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?» — воспроизводит первые ее слова проповедь новгородского архиепископа Амвросия, произнесенная в дворцовой церкви 18 декабря 1741 г. Затем принцесса обратилась к гвардейцам за помощью: «Моего живота ищут!»

Верных присяге оказалось немного; за Елизавету выступило большинство унтер-офицеров (В.Храповицкий, Н.Скворцов, П.Щербачев, И.Блохин, В.Вадбольский, М.Ивинский, Ф.Хлуденев, Е.Ласунский, С.Шерстов, Ф.Васков, И.Козлов, Г.Куломзин), которых, опять-таки по иронии судьбы, отобрал в образцовую роту сам принц Антон.⁵⁰ Опытные служаки (у большинства гвардейский стаж составлял более 10 лет) сумели быстро организовать гренадеров, арестовали единственного дежурного офицера, подпоручика Берхмана, и вслед за главными «героями дня» получили почетные звания сержантов и капралов Лейб-компаний.⁵¹ Арестовали и гвардейцев, которым принц Антон поручил надзор за самой Елизаветой; в феврале 1742 г. лейб-компанцы П.Хахин, А.Ходолеев и А.Мошков указывали на свои заслуги во время переворота: они «брали сержанта Обиручева».⁵²

После принесения присяги рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу (по Манштейну — после его занятия) от колонны отделились отряды для ареста Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана и близких им лиц, в том числе генералов Стрешневых, директора канцелярии принца Антона П.Грамотина и преображенского майора Альбрехта.

Семеновский караул Зимнего дворца не оказал сопротивления. По данным Бюшинга и Шетарди, офицеры не спешили выказать свою преданность и были арестованы. Однако стоявшего в ту ночь на посту П.В.Чадаева (деда знаменитого «басманного философа») Елизавета отправила с известием о перевороте в Москву, а через год сделала премьер-майором и членом суда по делу Лопухиных; так что, по всей вероятности, он не противодействовал перевороту.

Гренадеры под руководством Лестока и Воронцова отправились в дворцовые покои и арестовали ничего не подозревавших «немцев» вместе с императором. Автор примечаний на записки Манштейна и Я.П.Шаховской называли в числе участников переворота Шуваловых, Разумовских и В.Ф.Салтыкова; но в чем именно состояло их участие, не вполне понятно.⁵³ Основную часть операции по захвату престола гвардейцы проделали быстро, умело и вполне самостоятельно; для Шетарди, как и для прусского посла Мардефельда, переворот стал неожиданностью.

Высшие военные командиры — генерал-фельдмаршал П.П.Ласси и подполковник гвардии принц Гессен-Гомбургский — были вызваны уже после описанных событий (при этом накануне вечером принц отказался примкнуть к заговорщикам).⁵⁴ Они распорядились стянуть к дворцу части гарнизона и гвардейские полки, в то время как спешно созванные вельможи (А.П.Бестужев-Рюмин, А.М.Черкасский, А.Б.Куракин, Н.Ф.Головин, Н.Ю.Трубецкой) приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о ее вступлении на престол.

Вслед за ними к Елизавете в ее прежний дворец, где уже сидели под арестом брауншвейгское семейство и его «партизанты», спешили прочие чиновники; в их числе Я.П.Шаховской, только что сумевший войти в доверие к М.Г.Головкину и считавший себя «от всяких злоключений быть безопасным». Как и год назад, вчерашний «любимец» вынужден был ночью спешить во дворец «сквозь множество лиц с учтивым молчанием продираясь, и не столько ласковых, сколько грубых слов слыша».

Одно и то же событие очевидцы видели по-разному. Сенатор Шаховской обращал внимание в основном на поведение «знатных господ» и их нынешний «вес» в придворном раскладе. Только на периферии происходившего он замечал восклицания солдат: «Здравствуй, наша матушка, императрица Елизавета Петровна!»⁵⁵ Безвестный же польский дворянин и офицер на русской службе, также поспешивший в открытый для всех дворец, видел, прежде всего, победителей-гвардейцев: «Большой зал дворца был полон преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; они, прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоюга пола... Императрица сидела в кресле, и все, кто желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку».⁵⁶

Сам Шетарди, метр-д-отель его посольства и автор анонимного французского донесения от 28 ноября (9 декабря) 1741 г. сообщали о ликованиях на улицах, какое «никогда не было видано ни при коем случае». Английский же посол не замечал в народе никакой «общей радости». С Финчем был согласен и адъютант арестованного в эту ночь Миниха Христофор Манштейн, чьей карьере в России переворот положил конец: «Когда свершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства».⁵⁷

Едва ли можно объяснить эти разноречия только предвзятостью указанных сочинений: реакция на очередную «революцию» могла быть на самом деле неоднозначной и для их авторов, и для того круга, к которому они принадлежали. Но одно обстоятельство осталось памятным всем: небывалое доселе выдвижение гвардейского «солдатства». «Они и считают себя здесь господами, и, быть может, имеют для этого слишком много оснований», — передавал свои впечатления о начале нового царствования английский посол Финч.

К восьми утра «генеральное собрание» в старом дворце Елизаветы завершилось составлением новой формы титула, присяги и первого манифеста нового царствования. В нем объявлялось, что в правление младенца-императора произошли «как внешние, так и внутрь государства беспокойства и непорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б»; поэтому все верные подданные, «а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволили». Это было сделано по «законному праву»: как «по близости крови», так и по «единогласному прошению».⁵⁸ Вслед за тем Елизавета приняла орден Св. Андрея Первозванного, объявила себя полковником всех четырех гвардейских полков и показалась с балкона войскам и толпе.

В третьем часу пополудни, согласно записи в придворном журнале, пути двух принцесс окончательно разошлись. Елизавета в качестве новой императрицы переселилась в уже взятый ею ночным «штурмом» Зимний дворец. После состоявшегося под гром пушек молебна и официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки приняли присягу. Анна Леопольдовна с мужем и сыном остались ждать решения своей участи, а их сторонники к вечеру «переехали» в казематы Петропавловской крепости.

Победители и побежденные

В течение 25–27 ноября приказы по полкам гвардии обещали солдатам «материнскую милость» и покровительство Елизаветы, а также напоминали о неременном принесении присяги, явке с поздравлениями к «ручке ее императорского величества» и позволяли вновь приходить во дворец именованным и обращаться с просьбами о крещении детей.

Дойти до «ручки» удалось не всем: 26 ноября началась раздача вина по ротам, и последующие приказы требовали от командиров «унимать» загулявших гвардейцев, которые «по улицам пьяные шатаются».⁵⁹ Гулять было на что: полки получили жалование «не в зачет» (72178 рублей), вновь стали раздаваться «крестинные» (8517 рублей) и «именинные» (25551 рубль) деньги.⁶⁰

На милости рассчитывали и другие. На императрицу обрушился вал челобитных: только в 1742 г. их поступило более 2 тысяч.⁶¹ Просили о выдаче жалования, о пересмотре судебных решений и прежде всего о наградах и чинах, заслуженных и незаслуженных. Возник даже новый литера-

турный жанр: к Елизавете со всех сторон направлялись письменные поздравления со «счастливым восшествием» на престол, составившие увесистый том.⁶²

Однако щедрых денежных пожалований после переворота 1741 г. было немного, если не считать подарков доверенным фрейлинам и «чрезвычайных дач» А.П.Бестужеву-Рюмину, принцу Л.Гессен-Гомбургскому, барону И.А.Черкасову и Лестоку.⁶³ Зато в 1742–1744 гг. прокатилась очередная «волна» раздач недвижимости. По уже сложившейся традиции имения и дома Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, Менгденов частью попали в состав дворцовых земель, частью достались новым владельцам. В их числе были и возвратившиеся из ссылки В.В.Долгоруков, дети А.П.Волынского, родственники его «конфидентов», А.М.Девиер, и лица из окружения новой императрицы — ее фавориты (А.Г.Разумовский и А.Я.Шубин), В.Ф.Салтыков, М.И.Воронцов, А.П.Бестужев-Рюмин, духовник Елизаветы Ф.Дубянский, секретарь И.А.Черкасов, камергер Н.Корф, генерал Д.Кейт, будущий фельдмаршал С.Ф.Апраксин.⁶⁴

Среди награжденных за «известные е.и.в. заслуги» были гвардейские офицеры: капитаны Преображенского полка А.Аргаматов и И.Мячков, капитан Измайловского полка В.Нащокин; однако трудно сказать, связаны ли эти заслуги с их участием в перевороте, т.к. в самой «акции» 25 ноября они не действовали. Только в 1742 г. было роздано 48879 душ; из них главные герои — лейб-камpanцы — получили 8773 души, а их предводители (9 человек во главе с Ю.Грюнштейном) — 5518 душ, т.е. гвардейцам досталось более четверти всех пожалований. Всего же в 1742–1744 гг. в раздачу пошло, по нашим подсчетам, 77701 душа, включая сюда и возвращение прежде конфискованных вотчин В.В.Долгорукову, родственникам Д.М.Голицына, детям А.П.Волынского и его опальных «конфидентов».⁶⁵

Если принимать во внимание оценку В.И.Семевского о раздаче при Елизавете 200 тысяч крестьян,⁶⁶ то указанное соотношение как будто демонстрирует, что дворцовые перевороты становились все более «дорогим» предприятием и сопровождалась возраставшими аппетитами их участников и новым переделом собственности.

Во дворце же завершался передел власти. Официальные документы и донесения послов позволяют говорить о сложившемся при новой императрице «Совете 11», куда вошли и деятели прежних правительств — И.Ю. и Н.Ю.Трубецкие, А.М.Черкасский, А.И.Ушаков, опытные придворные Н.Ф.Головин, А.Б.Куракин, А.Л.Нарышкин, и выдвиженцы — только что возвращенный из ссылки А.П.Бестужев-Рюмин, старый петровский генерал Г.П.Чернышев, фельдмаршал П.П.Ласси и генерал В.Я.Левашов.⁶⁷

Это была временная комбинация: в кругу вельмож выдвигались новые лидеры, прежде всего А.П.Бестужев-Рюмин. Ему был возвращен чин действительного тайного советника; в декабре он был назначен сенатором и вице-канцлером, а в марте 1742 г. — заведующим почтой империи. Лесток занял пост лейб-медика с чином действительного тайного советника. Вслед за ними получили свои первые должности камергеров двора братья П.И. и А.И.Шуваловы и М.И.Воронцов, которым принадлежало будущее елизаветинского царствования.

Новому совету Елизавета поручила «иметь рассуждение как о Сенате, так и о Кабинете, и какому впредь правительству быть». Никаких проектов нового государственного устройства не требовалось. Воля императрицы была ясно выражена в «словесном указе 2 декабря 1741 г.: государство должно быть «возобновлено на том же фундаменте, как оно было при жизни» Петра I. В итоге вельможи (два члена Кабинета в их числе) осудили деятельность Верховного Тайного совета и Кабинета, поскольку в этих учреждениях всем заправляли по своему желанию несколько лиц и помимо Сената утверждались важнейшие решения, законы «и прочее к вечности надлежащее». Присутствовавшие осмелились только просить «учинить обстоятельную сенатскую должность», т.е. создать закон, определявший полномочия Сената.⁶⁸

Однако последовавший 12 декабря указ о восстановлении Сената эту просьбу не учел. Зато вместо упраздненного Кабинета министров восстанавливался Кабинет е.и.в. — личная канцелярия монарха. Руководить его работой был призван старый слуга Петра I барон И.А.Черкасов.

Расправа над поверженными соперниками состоялась во вполне традиционных рамках: опала «министров» сопровождалась устранением их «конфидентов». В их числе были арестованы некоторые офицеры Семеновского и Преображенского полков (майоры И.Альбрехт, Н.Стрешнев, Н.Соковнин, В.Чичерин); другие, как капитаны И.А. и Ф.А.Остерманы, М.Аргаматов, И.Путятин, были переведены в армию или в отставку.

Их сослуживцы майоры П.Воейков, Ф.Полонский, Д.Чернцов, П.Черкасский уже 29 ноября получили приказы опечатать и описать имущество отца и сына Минихов, Головкина и Остермана. В тот же день В.Ф.Салтыкову были вручены одна за другой три инструкции, последняя и «секретнейшая» из которых предписывала не выпускать (как было публично обещано) брауншвейгский дом за границу и держать арестантов под строжайшим караулом в Риге до получения дальнейших указаний.⁶⁹

Анна Леопольдовна вынуждена была подписать за себя и своих детей присягу Елизавете. Вместо отправления в «заграничное отечество» свергнутый император с семейством почти год томились в Риге, с 1742 по 1744 г. — в Динамюнде (нынешний Даугавпилс) и бывшем меншиковском Ораненбурге под Рязанью, с 1744 по 1756 г. — в Холмогорах. Оттуда «принца Иоанна» перевели отдельно от родителей в Шлиссельбургскую тюрьму, где он и был убит охраной во время известной попытки поручика В.Я.Мировича освободить узника.

1 декабря 1741 г. была образована комиссия по «описи пожитков и деревень» арестованных деятелей, а через два дня их движимое и недвижимое имущество было конфисковано. 12 декабря по делу арестованных «партизантов» бывшей правительницы была создана следственная комиссия во главе с А.И.Ушаковым и Н.Ю.Трубецким; в ее состав вошли также А.Б.Куракин, В.Я.Левашов, А.Л.Нарышкин и ряд других чиновников. Но еще 26 ноября Елизавета отдала первые распоряжения С.Ф.Апраксину о допросах Остермана и Головкина по наиболее интересовавшему ее вопросу о «проекте наследства».⁷⁰ Подчиненные арестованных (И.О.Брылкин, канцелярист И.Дронов) тут же доложили обо всех подготовленных

по делу документах, и следователи располагали точной информацией о роли каждого из опальных вельмож в этом преступлении.

Головкин и Остерман признали свою вину, в чем Елизавета могла лично убедиться, присутствуя на допросах. Ее интересовали и поступавшие в адрес Анны Леопольдовны предостережения о заговоре, и организация слежки за «домом цесаревны». Прочие обвинения (в подкупе со стороны иноземцев, «скрытии» завещания Екатерины I, предпочтении при назначениях русским людям иноземцев и т.д.) носили откровенно риторический характер; как и год назад, результат следствия был предрешен.

Указ Сенату 13 января предписал судить преступников; в реестр судей были при этом включены многие выдвиненцы «незаконного правления»: П.С.Салтыков, Ф.В.Наумов, П.П.Воейков, Я.П.Шаховской. Уже через три дня был вынесен приговор: Миних осужден к четвертованию; Остерман, Головкин, Левенвольде, Менгден, Тимирязев — к «обычной» смертной казни.

Утром 18 января 1742 г. на эшафоте осужденные выслушали манифест о своих «винах», заключавшихся в поддержке «незаконного» правления Бирона и Анны Леопольдовны, «искоренении знатнейших фамилий» в годы правления Анны Иоанновны, растрате казенных средств и «возведении» на должности чужеземцев. В момент, когда Остерман уже положил голову на плаху, все получили высочайшее помилование и отправились в сибирскую ссылку: Левенвольде — в Соликамск, Головкин — в Германг, Остерман — в Березов, на место преданного им много лет назад Меншикова; Миних — в спроектированную им для Бирона тюрьму в Пельме. Остальные — сенатор В.И.Стрешнев, генерал М.С.Хрущов, майор-семеновец В.Чичерин, секретарь принца П.Грамотин — отделались переводом в армию или удалением со службы и ссылкой в свои имения.

15 февраля в Сенате Н.Ю.Трубецкой объявил следствие законченным; при этом частные бумаги и письма подследственных было приказано сжечь; очевидно, такой была общая судьба не представлявшей интереса для следствия части архивов государственных преступников.⁷¹ Имущество осужденных — имения, дома, загородные дачи — было быстро поделено, при этом дома Остермана в Москве и Петербурге «по наследству» перешли к новому канцлеру и главе Иностранной коллегии А.П.Бестужеву-Рюмину.⁷² Комиссия описала и наличные «пожитки»: их нестеснительно выгребали из домов арестованных и свозили прямо в Зимний дворец.⁷³

Но поиски движимых ценностей встретили препятствие: Остерман признался следователям, что за месяц до переворота, в октябре 1741 г. перевел через своих доверенных агентов, английских купцов Шифнера и Вульфа, крупные суммы в Англию и Голландию и разместил их у «банкера» Пельса: во-первых, чтобы его дети могли «ездить по чужим государствам для наук»; во-вторых, для возможного перевода денег обратно, «когда вексель низок», т.е. получения выгоды от разницы курсов валют.⁷⁴

Фирма Шифнера и Вульфа была солидным торговым предприятием и давним агентом русского правительства на западноевропейском рынке, а банкирская контора «Пельс и сыновья» — их поручителями и компаньонами по операциям с продажей русских казенных товаров.⁷⁵ Коммер-

санты сообщили властям необходимую информацию из своих книг, благодаря которой можно представить себе бюджет и обороты пользовавшихся их услугами вельмож: самого Остермана, фельдмаршала Миниха и кабинет-министра М.Г.Головкина.

Оказалось, что министр уже с 1732 г. систематически переводил свои деньги за границу — очевидно, и в расчете на проценты, и с целью гарантировать свои средства от придворных «конъектур». Происхождение некоторых переводов не поддается объяснению (например, 5000 рублей от Я.Евреинова или 5400 рублей «от тайного советника фон Крам»), но в основном они состояли из вполне законных доходов от лифляндских и прочих вотчин. В среднем за год на счет Остермана поступала приличная сумма — около 100 тысяч рублей. Владелец постоянно снимал со счета деньги на закупку необходимых вещей (вин и другой «провизии», тканей, посуды, драгоценностей, географических карт и прочего); небольшие суммы шли в адрес родственников (свояка князя И.А.Щербатова) и других лиц. В итоге за некоторые годы приход равнялся расходу, как в 1741 г.⁷⁶

К Пельсу поступил и последний вклад Остермана в размере 117660 гульденов. Кроме того, сбережения министра находились у английского банкира Джона Бейкера («в английских зюд-зейских аннуитетах» на сумму 11180 фунтов стерлингов); но и они в 1741 г. были переведены в банк Пельса под 3 % годовых. Этими деньгами и заинтересовалось новое правительство, полагая, что теперь они «никому не принадлежат, кроме как моему [Елизаветы Петровны. — И.К.] двору», как заявил русский посол в Голландии А.Г.Головкин.⁷⁷

Так началось дело о возвращении капиталов Остермана, обнаруженное нами на страницах дипломатической переписки Коллегии иностранных дел с послом в Нидерландах. «Банкер» Андреас Пельс проинформировал российскую сторону о наличии в его конторе счета опального вельможи, но раскрывать его — а тем более отдавать деньги без распоряжения вкладчика — категорически отказался. Максимум, чего смог добиться Головкин, — заморозить счет и прекратить всякие операции по нему. Апелляции к властям Нидерландов не дали результата, послу терпеливо разъясняли: «Правительство по конституциям здешним не может в то дело вступать, но надлежит судом то отыскивать... и для того де надлежит избрать искусного адвоката». Банкир учтиво, но твердо просил предоставить документ «в требуемых формах» о том, что «деньги в казну ее императорского величества принадлежат».

Такой акт был составлен, но, как потом указывал канцлер Елизаветы А.П.Бестужев-Рюмин, «в рассуждении некоторых обстоятельств» так и не был послан, — надо полагать, по причине невозможности объяснить голландскому суду особенности российского права, превращавшего, мнимая наследников, частные деньги в казенные. Родной брат опального мекленбургский тайный советник Иоганн-Христофор Остерман, в свою очередь, тоже потребовал арестовать счет, поскольку там якобы имелись и его личные средства.⁷⁸

Брат осужденного и сосланного вместе с Остерманом М.Г.Головкина беспрекословно по приказу из Петербурга выдал потраченные им на себя

деньги опального, также хранившиеся у Пельса, для чего пришлось продать родовые каширские деревни. Средства же Остермана оказались недосягаемыми для петербургских властей. Пришлось привлечь к делу квалифицированного юриста, и дело пошло неспешным порядком в амстердамском суде шеффенов. Посол «пристойными резонами» требовал у судей «наискорее Остермановы деньги получить». Каждый раз президент суда втолковывал дипломату, что дело должно идти «ординарным путем» в независимом ни от кого голландском суде.⁷⁹ Осенью 1743 г. «мекленбургский» Остерман умер, и «банкер» потребовал объявления наследников; но сыновей Андрея Ивановича выпускать из России не собирались.

В тяжбах и пререканиях протянулись шесть лет. Давно закрылась комиссия «описи пожитков и деревень» арестованных, а сам Остерман окончил свои дни в сибирской ссылке. Императрица делала гневные выговоры Головкину: вернуть деньги, «не взирая ни на какие тех купцов отговорки и судебные коварства».⁸⁰ Но логика патриархально-самодержавной простоты в отношении имущества подданных никак не работала в ином «правовом поле», несмотря на все могущество империи. Более того, российский двор продолжал пользоваться услугами Пельса: через его контору шли расчеты русских дипломатических миссий, он же переводил в Россию «субсидные деньги» по договору 1747 г. с Англией. На требования банкира представить «прокурации» установленных наследников и заверенную копию завещания послу нечего было ответить: донесения за 1746–1747 гг. молчали о затаившейся тяжбе, которую отодвинули на второй план другие события, в том числе война за «австрийское наследство».

Дело об «остермановых деньгах» завершилось только в 1755 г. К тому времени опала «эмиссариев диавольских» уже потеряла актуальность, и власти отпустили младшего из братьев, секунд-майора Московского полка Ивана Остермана за отцовским наследством в Голландию. Там в сентябре того же года было достигнуто соглашение, и тогда банкир раскрыл карты: на счету Остермана к тому времени имелись 10500 фунтов стерлингов в акциях Английского банка и наличные – общим счетом в 346183 гульдена. 50 тысяч из них наследник получил наличными, а основной капитал так и остался у банкира на срок до 1776 г. с условием ежегодной выплаты в размере 7400 гульденов.⁸¹

Финансовые документы, казалось, говорят о благополучно завершившейся истории. Но сам граф Иван Андреевич Остерман поведаль много лет спустя сардинскому посланнику в Петербурге маркизу де Парелло, что его – единственного по завещанию наследника – «велели... по получении взять». Ловушка сорвалась только благодаря... самому русскому послу, который посоветовал молодому человеку договориться с банкиром так, чтобы «не трогать капитала».⁸² Видимо, уж очень замучила А.Г.Головкина эта история, в которой он и сам пострадал, и много лет обивал пороги голландских судов по приказу не признававшей никаких «судебных коварств» императрицы.

Осуждение и шельмование деятелей свергнутого правительства сопровождалось опять-таки традиционной раздачей милостей: была объявлена очередная амнистия (уже без снисхождения к осужденным «по пер-

вым двум пунктам»), «сложены» штрафы по 10 копеек с подушной подати на 1742 и 1743 гг. и «казенные доимки» за 1719–1730 гг.; наконец, ликвидирована и сама Доимочная комиссия.⁸³ Тайная канцелярия получила распоряжение «наказаний не чинить» тем, кто обвинялся в оскорблении брауншвейгской фамилии, и ложно объявившим «слово и дело» духовным лицам, коих надлежало передавать в Синод. На несколько дней, судя по протоколам, сыскное ведомство замерло: прекратились допросы и пытки; но уже в декабре оно продолжило обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованием.

Восстановление «отеческого духа»?

Как уже давно было отмечено в литературе, воцарение Елизаветы сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Новый манифест от 28 ноября 1741 г., в отличие от первого, объяснял переворот не только «прошением» подданных, но и ссылкой на скрытое иноземцем Остерманом завещание Екатерины I, по которому право на корону принадлежит потомству Петра I – его внуку Петру II и дочерям Анне и Елизавете.

Таким образом, царствование Анны Иоанновны признавалось незаконным, а правление Иоанна III – незаконным вдвойне, поскольку Остерман, Миних и Головкины вместе с принцессой Анной Мекленбургской «насиловством взяли» правление империей в свои руки, в то время как принц Иоанн и его родственники «ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни по чему не имеют».⁸⁴

Свергнуть «незаконного» (а на самом деле вступившего на престол вполне легитимно на основании петровского указа 1722 г.) императора было нетрудно – сложнее было искоренить память о нем. Власти и раньше уничтожали отдельные документы (как в 1727 г. манифест по делу царевича Алексея); теперь же правительство Елизаветы решило устранить всю информацию о предшественнике, «вычеркнуть» его царствование из истории. С 1741 г. изымались из обращения монеты с его изображением, в 1742 г. публично сжигались печатные листы с присягой, а с 1743 г. началось систематическое изъятие прочих официальных документов с упоминанием свергнутого императора и правительницы – манифестов, указов, церковных книг, паспортов, жалованных грамот и т.п.⁸⁵

Поскольку уничтожить годовую документацию всех государственных учреждений не представлялось возможным, то целые комплексы дел передавались на особое хранение в Сенат и Тайную канцелярию; ссылки на них давались без упоминания имен. Вступив на престол, наследник Елизаветы Петр III повелел после снятия необходимых копий уничтожить все дела «с известным титулом», и только очередной переворот не дал выполнить это распоряжение.⁸⁶

Масштабный эксперимент по «умолчанию» дополнялся серией церковных проповедей, где евангельские образы и риторические обороты убеждали паству в законности власти Елизаветы как преемницы дел отца и защитницы веры от иноземцев.⁸⁷ К этому жанру примыкали другие публицистические произведения, призванные оправдать переворот: уже упо-

мянутые «Реляция» и «Историческое описание о восшествии на престол Елисаветы Петровны» или «Разговоры между двух российских солдат, случившихся на галерном флоте в кампании 1743 г.».

В проповеди на день рождения Елизаветы 18 декабря 1741 г. владыка Амвросий (тот самый, который предлагал Анне Леопольдовне стать императрицей) оправдывал действия дочери Петра I в борьбе с врагами России. В образе последних представляли Миних, Остерман и другие «эмиссарии дьявольские», которые «тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных невинных, Бога и государство весьма любящих втайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали». Они же назначали на руководящие должности иноземцев, а несправедливо нажитые деньги «вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали».⁸⁸

Усердие сочинителей приводило к тому, что свержение императора представлялось как «благополучнейшая виктория» над «внутренним неприятелем», а иногда и в совершенно кощунственном виде. Так, согласно «Описанию», сам Бог «влия благодать свою в немощного и неимущего дома и родителей и мало ведомого, в чине солдатском служащего Георгия Федорова сына Гринштейна». Ночной же захват власти выглядел священной миссией: «По вооружении силой крестною и исшествии из казармы сия блаженная компания... утвердиша слово: намерения не отменить и действие исполнить».⁸⁹ В торжественном «Похвальном слове» на день восшествия Елизаветы на престол Ломоносов в 1749 представлял слушателям: «Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, ... что предходит с крестом девица, последуют вооруженные воины. Она отеческим духом и верою к Богу восплаляется, они ревностию к ней пылают».⁹⁰

Захват власти не только не скрывался, но открыто, в публичных заявлениях изображался как героическое деяние; продолжался «петровский миф о монархе, ради пользы государства прибегающем в своем правлении к беспощадному насилию».⁹¹ «Дворские бури» явно повлияли на творчество ведущего драматурга эпохи А.П.Сумарокова, по совместительству генерал-адъютанта фаворита А.Г.Разумовского и исполнявшего должность начальника канцелярии Лейб-кампании. Его «Гамлет», в отличие от подлинника, изображал близкий к российскому вариант событий: подготовленное друзьями принца «силою присяг» народное восстание, в ходе которого герой захватывает дворец, убивает Клавдия и арестует главного злодея Полония.⁹²

Пропагандистские усилия новой власти и их «православно-патриотическую» направленность можно считать особенностью произошедшего переворота. Прошлые «революции» такого идеологического обеспечения не имели.

Понадобилось оно и за рубежом. Когда в Германии стали появляться в продаже биографии Миниха, Остермана и Бирона, А.П.Бестужев-Рюмин в 1743 г. предписал русским послам в европейских странах добиваться запрещения торговли подобными изданиями и «уведать» подлинные имена их авторов. Попавшие в Россию экземпляры «пашквилей» должны

были быть немедленно конфискованы и сожжены.⁹³ Так же действовал и посол в Голландии, который безуспешно пытался опровергать «мерзкие пассажи» амстердамских газет о судьбе «бывшего царя» и якобы имевших место в провинции «факциях» против новой власти.

Но затем А.Г.Головкин стал убеждать петербургское начальство, что с «грубыми лживостями» можно бороться более цивилизованно — путем денежных «дач» и постоянных «пенсионов» представителям свободной прессы. Посла проинформировали и насчет расценок за услуги «главнейшим газетчикам: двум амстердамским, утрехтскому, гарлемскому, лейденскому, галанскому — всякому по 200 рублей; другим же, а имянно французскому, роттердамскому, делфскому, грининскому, гахскому, алфенскому, также и двум ауторам меркуриев всякому по сту рублей и свои ведомости заблаговременно».⁹⁴

Новый подход оказался более эффективным: известный голландский журналист Жан Руссе де Мисси первым проникся «отличным к нам благоволением», за что удостоился не только пенсии, но и чина коллежского советника.⁹⁵ Русское правительство стало ежегодно выделять по 500 червонных для голландской прессы, и вместо грубостей о «ragvenue au trope» там стали появляться сочинения о полном благополучии в России «под славным государствованием Елизаветы Первой».⁹⁶

Однако внутри страны чрезмерная пропагандистская активность представляла и очевидное неудобство: сама власть с высоты престола и церковных амвонов внушала подданным, что выступление против ее верховных носителей может быть почетным и богоугодным делом. Такое понимание нашло отражение в литературе: в исторических драмах Сумарокова «зверовидным» тиранам противопоставлялись благородные принцы, убежденные:

*«Когда герои власть оружием теряют,
Оружием ту власть себе и возвращают».*⁹⁷

«Брегися, государь, нечаянных измен», — предупреждают бояре в «Хореве» Кия, свергнувшего с престола князя Завлоха; в «Семире» «правитель российского престола» Олег устраняет киевского князя и отца героини.

По-видимому, этот урок был усвоен: в дальнейшем таких широких «кампаний» по оправданию совершившихся переворотов уже не будет. К тому же «антинемецкая» риторика пропагандистских документов способствовала начавшимся в столице выступлениям против офицеров-иностранцев, которым солдаты кричали: «Указ есть, чтоб всех иноземцев перебить»!⁹⁸ Подобные инциденты получили резонанс с границей: русскому послу в Англии по этому поводу выражали озабоченность члены кабинета, и сам король осведомлялся о якобы имевшем место народном волнении в Москве.⁹⁹ Можно полагать, что такие слухи являлись дополнительным фактором для восприятия переворота как исключительно патриотического движения.

Насколько взятые Елизаветой на вооружение лозунги соответствовали действительности? Совпадал ли специфический патриотизм гвардейской казармы с настроением улицы? Да и сама «улица» была весьма специфической: Петербург являлся не торгово-промышленным, а воен-

но-служилым городом, где армейские и гвардейские солдаты и офицеры вместе с членами семей составляли более трети населения, тогда как посадские ремесленники и торговцы — только 7%.¹⁰⁰ Поэтому «слышимые» в источниках одобрения и радость по поводу переворота высказывались именно в этой, тесно связанной с двором и службой, среде.

Тезис о свержении в 1741 г. «партии немцев» появился в научной литературе еще в середине XIX в., и с тех пор оценка переворота как выступления против «немецкой клики» прочно утвердилась в историографии.¹⁰¹ Однако патриотические настроения гвардейцев несколько не мешали им выражать свои симпатии послу далеко не дружественной державы; Шетарди, в свою очередь, целовался с «янычарами» и поил их шампанским.

Среди потока прошений к новой императрице можно встретить челобитные тех, кто называл себя давними сторонниками опальной принцессы. Но при проверке порой оказывалось, что пострадавшие, как аудитор инженерного корпуса Прохор Муравьев и его друзья, действительно попали при Бироне в Тайную канцелярию, но ... в качестве сочувствующих вовсе не Елизавете, а Анне Леопольдовне.¹⁰² Один из «героев» восстановления самодержавия 25 февраля 1730 г. С. Шемякин жаловался на «невинной арест» при Анне Иоанновне, хотя угодил под следствие за свои служебные злоупотребления.¹⁰³

Имеющиеся в литературе сведения позволяют полагать, что к 40-м гг. XVIII в. именно в этой служилой среде на «фоне» недолгого правления Бирона и «брауншвейгской» династии петровская эпоха стала восприниматься как время славы и благополучия.

На это как будто указывает идеализация Петра в появившихся в те годы своеобразных «преданиях», где он предстал царем-«солдатом» и героем сюжета о воре, который не смел посягнуть на царскую казну.¹⁰⁴ Об этом же свидетельствуют интересы столичных читателей. По данным «Учетной книги» изданий Синодальной типографии 1739–1741 гг., в это время особой популярностью пользовалась литература о Петре I и его семействе. Читающая публика покупала «Проповедь в день годишного поминовения» императора, «Похвальное слово» ему и другие произведения, связанные с его «домом» и именем: «Описание о браке» Анны Петровны, «Слово на погребение» Екатерины I.¹⁰⁵

Но при этом иные современники вроде бы и не замечали «немецкого» господства. Упомянувший выше подштурман И. М. Грязнов столь же спокойно, как и в случае с Бироном, отмечал в дневнике: «Ноября 25 соизволила всероссийской престол принять государыня императрица, а прежняя правительница с мужем и сыном своим отлучены и сvezены с честью в незанятое место». «Пиита» В. К. Тредиаковский в оде на коронацию Елизаветы изображал всеобщее желание видеть цесаревну на «наследном троне» и перечислял подстерегавшие ее опасности:

*«Сети поставлены уж были,
Глубина же ям оказалась,
Беды и напасти губили,
Ненависть как огонь разгоралась»*,¹⁰⁶

— но не упоминал ни о каком «немецком засилье».

Одно из редких свидетельств о перевороте «снизу» отыскалось в делах Тайной канцелярии. В 1751 г. крестьяне подпоручика Алексея Жукова разговорились о брате своего хозяина поручике Семеновского полка Андрее Жукове: «Смел он очень; вот как де когда всемиловитейшая государыня ссаживала Антония, то де никто ево не смел взять; а как де всемиловитейшая государыня соизволила братца ево послать, то де он, пришед, взял ево, Антония, за волосы и ударил об пол». Поручик предстает в этой байке почти былинным героем, но собеседники вовсе не воспринимают его поступок как борьбу с «немцами».¹⁰⁷

При поисках источников о событиях 1740–1741 гг. автор обнаружил в отделе исторической книги Государственной публичной исторической библиотеки дневник неизвестного московского чиновника, написанный на полях и между строк печатного «Санкт-Петербургского календаря на лето 1741 г.».¹⁰⁸ Его автор заносил туда текущие новости и происшествия: «гуляния», официальные приемы, свадьбы, цены на рынке.

Интересующие нас проблемы затронула единственная запись под 29 ноября: «Прибыл капитан гвардии Семеновского полку Петр Васильев сын Чадаев с объявлением о восшествии на престол всероссийский е.и.в. всемиловитейшей нашей императрицы Елисаветы Петровны». Событие отмечено не только принесением присяги, но и особой торжественностью: «И от того числа вседневно звон в соборе и у всех церквей целую неделю был, а ношью везде иллюминация. В приказах и в рядах в ту неделю не сидели». Дальше все быстро входит в привычную колею, и автора волнуют прежде всего непредвиденные расходы: на подарок вестнику капитану (1000 рублей), на бал в Ратуше, на сборы «в поднос» самой императрице (3500 рублей). Похоже, столичные события воспринимались обывателями без особых эмоций как весьма далекие от жизненных забот и проблем и уж во всяком случае не как избавление от засилья иноземцев.

Официальным курсом нового царствования стало возвращение к заветам Петра I. Этот курс продолжался примерно до конца 40-х гг. и завершился провалом: простая реставрация петровских порядков и учреждений не соответствовала стоявшим перед страной задачам.¹⁰⁹

На деле же «петровская» риторика новой власти в ряде случаев оборачивалась продолжением официально осуждаемой практики «незаконного правления». Вслед за Анной Леопольдовной Елизавета еще больше повысила значение придворных чинов: камер-юнкер приравнялся уже к армейскому бригадиру, новые фельдмаршалы, вроде А. Г. Разумовского или С. Ф. Апраксина, едва ли могли соперничать даже с Минихом. Зато имели место конъюнктурные искажения действительных петровских предначертаний. Так, в 1743 г. Елизавета утвердила доклад о прекращении экспедиции Беринга, от которой Сенат «ни малого плода быть не признает».¹¹⁰

В сфере социальной политики правительство Елизаветы продолжало наметившийся ранее курс на укрепление «регулярного» государства. Повидимому, переворот 1741 г. породил надежды на облегчение положения крепостных. Во всяком случае, крестьяне нескольких недавно пожалованных сторонникам Анны Леопольдовны деревень (кабинет-секретаря

Яковлева) просили о передаче их по-прежнему в дворцовое ведение. Указ 2 июля 1742 г. упоминал, что беглые помещичьи люди «немалым собранием» подали прошение императрице о разрешении им записываться в армию, и категорически запретил такой уход; самих жалобщиков отправили в ссылку на сибирские заводы.¹¹¹ В мае того же года разрешенная ранее подача императрице челобитных была категорически воспрещена. При принесении присяги Елизавете крепостные были фактически исключены из числа подданных — за них присягали их владельцы.

Первоначальные послабления сменились в 1742 г. распоряжениями о зыскании недоимок. Подушная подать была увеличена на 10 копеек для крепостных и на 15 копеек для государственных крестьян (30 декабря 1745 г.). Проведение новой ревизии ставило задачу сделать невозможным само существование «вольных разночинцев» — их всех надлежало непременно записать в подушный оклад, армию, на заводы.¹¹² Резко усилились при Елизавете гонения на «безуказных» предпринимателей.¹¹³ Возрождение в 1743 г. магистратов и цехового устройства не облегчило их положения: эти органы находились в полном подчинении администрации, которая могла сажать бурмистров под караул. Вопреки распространенному мнению, Елизавета не отменяла смертную казнь; можно говорить только о приостановлении исполнения смертных приговоров.¹¹⁴

Правительственная политика и усиление помещичьего гнета вызвали ответную реакцию: продолжались действия разбойных «партий» и бегство на окраины и за границы; беглые селились во владениях польских вельмож, а на южном берегу Каспийского моря строили флот шаху Надиру. С конца 40-х гг. XVIII в. резко увеличилось количество челобитных, в которых крестьяне отстаивали свои права ссылками на петровские указы о наказаниях за злоупотребления «в народных сборах»:¹¹⁵ они как бы напоминали власти о нарушении тех самых законов, которые эта власть обещала восстановить.

Оборотную сторону — ограничение веротерпимости — имела официально демонстрировавшаяся приверженность православию. Указы 1741—1742 гг. предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирки в православные храмы и запрещали армянское богослужение. Дважды — в 1742 и 1744 гг. — объявлялось о высылке из империи всех евреев, за исключением принявших крещение.¹¹⁶ С 1742 г. Сенат повелел прекратить разрешенную ранее запись в раскол; возобновилась практика взимания денег с «бородачей» и ношения шутовских кафтанов с красным воротником-козырем для «раскольников» (именоваться «староверами» им было запрещено). В ответ на репрессии в стране вновь начались самоожжения.¹¹⁷ При этом набожная императрица вовсе не собиралась отменять законы своего отца в отношении церкви и оставила без всяких последствий доклад новгородского архиепископа Амвросия с просьбой о восстановлении патриаршества.¹¹⁸

Усилился контроль за повседневной жизнью подданных; им занимались возникшие в 1744 г. при епархиальном архиерее духовные консистории, ведавшие борьбой с ересями и расколом, а также судом над духовными лицами и мирянами. Указы Синода начала 40-х гг. запрещали

устраивать кабаки близ церквей и монастырей, в храмах предписывали никоим образом не вести бесед о «светских делах» и даже на торжественных молебнах не выражать громко свои верноподданнические чувства. Распоряжения светской власти определяли поведение на улице: чтобы «на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали». В 1743 г. власти попытались ввести цензуру: для книг с «богословскими терминами» — в Синоде, для остальных — в Сенате. Появились указы о запрещении «писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном».¹¹⁹

Новая власть перенимала из петровского «наследства» не динамику и новаторство, а крепостничество и стремление к всеобщей регламентации. В этом смысле переворот 1741 г. не столько «открывал» возможности изменения сложившейся системы, сколько «закрывал», консервировал официально канонизированное «наследство», прикрываясь патриотической риторикой.

В предыдущей главе уже говорилось, что назначения «незаконного правления» не свидетельствуют о каком-то предпочтении иноземцев. Елизавета 31 декабря 1741 г. попробовала было пересмотреть все чинопроизводства и награждения «незаконного» царствования, но уже через несколько дней сочла более благоразумным утвердить сделанные пожалования.¹²⁰

Нельзя говорить и о массовом уходе иноземцев с русской службы: в 1742 г. подали в отставку три генерал-майора (Г. фон Вейсбах, А. фон Тетау, Х. Вилдеман), двое из которых были связаны родством и службой с Минихом;¹²¹ позднее покинули Россию генералы В. Левендаль, Д. Кейт и бывший адъютант Миниха Х.-Г. Манштейн. Фельдмаршал В. В. Долгоруков в феврале 1742 г. просил Елизавету заполнить полковничьи вакансии русскими, в то же время П. П. Ласси представлял к повышению иноземцев и добивался своего.¹²²

«Список генералитета и штаб-офицеров» 1748 г. показывает, что на российской службе «немцами» являлись 2 из 5 генерал-аншефов, 4 из 9 генерал-лейтенантов, 11 из 31 генерал-майора; в среднем звене — 12 из 24 драгунских и 20 из 25 пехотных полковников. Именно при Елизавете генерал-аншефами стали Иоганн фон Люберас и родственник Бирона Лудольф фон Бисмарк; генерал-лейтенантами — Ю. Ливен, В. Фермор, П. Голштейн-Бек, А. де Бриньи, А. Девиц.¹²³ Остались на службе и другие немцы: брат фельдмаршала Х.-В. Миних, принц Л. Гессен-Гомбургский, дипломаты И.-А. Корф и Г.-К. Кейзерлинг.

«Внутренние сопостаты» Остерман и Головкин не брали «подарков» с иностранцев.¹²⁴ «Иноземное» правительство отнюдь не стремилось продавать национальные интересы страны: вопреки мнению Коммерц-коллегии и настояниям английских купцов, Кабинет отказался снизить пошлины на транзитные английские товары в Иран.¹²⁵

С другой стороны, именно Елизавета и ее окружение пошли на контакты с Шетарди и Нолькеном, содержание которых, будь оно открыто, вполне могло послужить основанием для сурового приговора. Несмотря на то, что переворот произошел без какого-либо участия французского

посла, Шетарди на некоторое время стал важной фигурой при дворе Елизаветы. Именно во время ее правления характерной чертой российской политической жизни примерно до конца 40-х гг. стало соперничество «больших придворных партий» с иностранными дипломатами во главе и выплата последними «пенсий» своим российским «друзьям».¹²⁶

Шетарди и Мардефельд не жалели сил и средств, чтобы знать, что «в сердце царицыном делается», и свалить своего противника — А.П.Бестужева-Рюмина. Для этой цели предназначались «пенсии» придворным дамам, А.Лестоку и М.И.Воронцову, которые «проходили» по донесениям дипломатов как «смелой приятель» и «важной приятель»; к этой же группировке примыкали Н.Ю.Трубецкой, А.И.Румянцев и А.Д.Голицын. Король Пруссии выделил Воронцову «подарок» в 50 тысяч рублей, ежегодный «пенсион» и даже лично инструктировал российского вице-канцлера в Берлине осенью 1745 г. Прусский посол в Петербурге докладывал, что Лесток «настолько ревностный слуга вашего величества, будто он находится на вашей службе».¹²⁷

Канцлер, которого, в свою очередь, финансировали дипломаты Австрии и Англии, уже в начале 1742 г. организовал систематическую перлюстрацию дипломатической почты аккредитованных в Петербурге послов, создав для этого целый штат, включавший резчика печатей, копиистов, переводчика. Главным специалистом «черного кабинета» стал академик-математик Христиан Гольдбах: именно его усилиями через год были дешифрованы депеши Шетарди, и миссия маркиза завершилась полным провалом в 1744 г.¹²⁸

Бестужев запугивал императрицу: «Лестока опасаться надобно, чтоб он из своей партии другого Миниха не сделал, ибо теперь явствует, что князь Трубецкой достойным к тому уже признан». В качестве примера канцлер считал вполне уместным привести поведение недавней правительницы: она не слушала предостерегающих советов и потеряла власть. В итоге в 1748 г. Лесток был арестован и сослан в Устюг; но ни Воронцова, ни Трубецкого Елизавета, как известно, не тронула — она умела лавировать и использовать противоречия между своими слугами. Но сначала ей предстояло навести порядок «внизу».

«Государыня такой же человек, как и я»

Донесения иностранных послов единодушно подчеркивают, что первое время атмосферу в Петербурге определяло гвардейское «солдатство», почувствовавшее себя хозяевами положения. Приведенные выше сомнения в существовании «господского» заговора придают этой специфике еще большую значимость: российское «переворотство» достигло **предельно допустимого для правящей элиты уровня политического действия**, что и было ею осознано. Не случайно сразу после переворота Сенат указал двинуть из Москвы в Петербург 46 рот «как возможно наискорее» — то ли для противовеса недовольной переворотом части гвардии, то ли для охраны столицы от «спасителей отечества».¹²⁹

В замечаниях на записки Манштейна приведен отзыв генерала В.Левендаля об арестованном Минихе: фельдмаршал «первый подал опасный пример, как с помощью роты grenадеров можно низвергать и возводить

на престол государей». В начале XIX в. эту особенность ситуации 1741 г. подчеркнул А.Р.Воронцов в записке, адресованной только что вступившему на престол Александру I: даже «незаконное» избрание Анны Иоанновны с «несвойственными» для России кондициями было все же предпочтительнее, поскольку «не солдатство престолом распоряжало, как в последнее время похожее на то случалось».¹³⁰

Самоощущение гвардейцев той эпохи передает одна история из недр Тайной канцелярии. В декабре 1742 г. по Петербургскому тракту возвращались из отпуска капитан-поручик Преображенского полка Григорий Тимирязев и молодой солдат Иван Насонов. Рождественской ночью, после ужина капитан-поручик расчувствовался насчет судеб дворянства в новое царствование: «Жалуют де тех, которые не токмо во оной чин годились, но прежде бы де ко мне в холопы не годились. Возьми де это одно — Разумовской де был сукин сын, шкаляр местечка Казельца, ныне де какой великой человек. А все де это ни што иное делает, кроме того, как одна любовь».

Далее бывалый гвардеец рассказал об увлечениях «нынешней государыни», начиная с «Аврамка арапа, ... которого де крестил государь император Петр Великой. Другова, Онтон Мануилович Девиера, третьяго де ездова, (а имяни, отечества и прозвища ево не сказал); четвертова де Алексея Яковлевича Шубина; пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского. Да эта де не довольно; я де знаю, что несколько и детей она родила, некоторых де и я знаю, которые и поныне где обретаются». Затем зеленому солдату была раскрыта вся новейшая история России с ее интимной стороны: «Да что де это, у нее и батюшка та был! Как де он еще не был женат на императрице Екатерине Алексеевне, то де был превеликой блудник, а когда де женился, то де, хотя к тому з женами блуд и не дерзал, однако ж де садомскому блуду был повинен...

Да и императрица де Екатерина Алексеевна — я де все знаю — вить де и она, правда де, хотя и любила своего супруга, однако ж де и другова любила, камергера Монса, которому де за оное при тех случаях и голова отсечена, а ея де за это государь очень бил. Да и императрица де Анна Иоанновна любила Бирона и за то его регентом устроила. Смотри де, что монархи делают, как де простому народу не делать чего, (а чего имянно, не выговорил). А когда де заарестовали принцессу с ея фамилиею, меня де в ту пору определили к ней для охранения. Обещали де мне неведомо што; в ту же де пору ко мне приезжали Шуваловы и сулили де мне очень много, ан де вот и поныне ничего нет, да и впредь не будет — какой де кураж служить? Боже мой, ежели ж де принцесса с своим сыном по прежнему будет, то де, конечно, я бы был кавалер святого Андрея или, по крайней мере, святого Александра».¹³¹

Солдат по приезде в северную столицу немедленно отправился с доносом. Однако эта история интересна не только анекдотическими подробностями; отношение Тимирязева к придворным «амурам» отражает характерные черты изменения сознания той самой среды, которая была основной опорой трона, но и «делала» дворцовые перевороты в послепетровской России.

При Петре I гвардейцы были точными исполнителями воли царя-реформатора. Но с тех пор гвардия прошла хорошую школу придворной борьбы и научилась не только просить «в награждение деревень». В ноябре 1741 г. рота преображенских гренадеров привела Елизавету Петровну к власти уже без участия вельмож и офицеров и впервые свергла при этом законного императора, что можно считать кульминацией российского «переворотства». И в Петербурге, и в действующей армии гвардейцы устраивали в 1742 г. форменные побоища и нападения на офицеров-иностранцев; только вызванные армейские части смогли навести порядок.¹³²

Атмосфера 1741 г. вскружила головы многим военным: 19-летний сержант Невского полка Алексей Ярославцев, возвращаясь с приятелем и дамой легкого поведения из винного погреба, даже не сочли нужным в центре Петербурга уступить дорогу поезду самой Елизаветы. «Тем ездовым кричали “сами де поди” и бранили тех ездовых и кто из генералов и из придворных ехали, матерно, и о той их брани изволила услышать ее императорское величество», — хвастался сержант приятелям, а на их увещевания отвечал: «Экая де великая диковинка, что выбрали де мы генерала или ездовых. И сама де государыня такой же человек, как и я, только де тем преимущество имеет, что царствует».¹³³

Так же мыслил и Тимирязев, выслуживший за 20 лет только чин капитан-поручика. Донос его не очень-то смутил: капитан был уверен, что все гвардейские офицеры «могут об оном то же сказать, понеже они, обер-офицеры, завсегда бывають во дворце и о том обо всем сами известны».

Рассказ о любовных страстях монархов плавно переходит у офицера в жалобу, что у него-то «и поныне ничего нет», и надежду на исправление такой несправедливости. Службу по охране свергнутой правительницы Анны Леопольдовны не оценили; но ведь «принцессу» можно вернуть на трон — тогда будут и награды, и «кавалерия». Следствие выяснило (со слов ревнивой жены офицера), что подкараульная Анна «к любви и воли его очень была склонна»...

При Анне Иоанновне тоже болтали про ее связь с Бироном. Но теперь, похоже, в столично-военной среде исчезает разница в положении «земного бога» и «рабов», императрица в глазах солдат и городской черни становится едва ли не «своей в доску».

Даже далекие от дворца люди со знанием дела могли обсуждать интимную жизнь своей государыни и количество ее незаконных детей.¹³⁴ Простой поручик Ростовского полка Афанасий Кучин в 1747 г. заявил А.И.Ушакову: «Ее императорское величество изволит находиться в прелюбодеянии с его высокографским сиятельством Алексеем Григорьевичем Разумовским; и будто он на естество надевал пузырь и тем де ее императорское величество изволил довольствоваться», — кажется, впервые указав на появившуюся при дворе новинку в области противозачаточных средств.¹³⁵

Рядовой лейб-кампанец Игнатий Меренков мог по-дружески позавидовать: его приятель гренадер Петр Лахов «с ея императорским величеством живет блудно»; чем он, спрашивается, лучше?¹³⁶ За «свою сестру

блядь» держали Елизавету Арина Леонтьева из сибирского Кузнецка и другие «посадские женки» не слишком строгих нравов.¹³⁷ Про нее же «с самой сущей простоты» сложили развеселую песню:

*«Государыню холоп
Подымя ногу гребет».*¹³⁸

Даже какие-то «польские мужики» на границе могли себе позволить пожелать: «Кабы де ваша государыня была здесь, так бы де мы готовы с нею спать», — за что получили от российских солдат «в рожу».¹³⁹

Но фортуна, с точки зрения Тимирязева и подобных ему, почему-то всегда улыбается недостойным. Характерное мнение дворянского общества выразил в подпитии «унтер-экипажмейстер» Александр Ляпунов: «Всемилоливейшая де государыня живет с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она де блядь и российской престол приняла и клялася пред богом, чтоб ей поступать в правде. А ныне де возлюбила дьячков и жаловала де их в лейб-кампанию в поручики и в капитаны, а нас де дворян не возлюбила и с нами де совету не предложила. И Алексея де Григорьевича надлежит повесить, а государыню в ссылку сослать».¹⁴⁰ Завистливые глаза и языки приписывали незначительному фавориту и планы «утратить» наследника, и волшебство его матери («ведьма кривая, обворожила всемилоливейшую государыню»); выдумывали даже, что у самой благодетельницы он велел «подпилить столбы» в спальне, чтоб ее «задавить».¹⁴¹

События 1741 г. открыли еще одну закономерность российского «переворотства»: легкость и безнаказанность захвата власти породила в гвардейско-придворной среде настроения «переиграть» ситуацию: «в случае» оказывались немногие, а обиженных при дележе наград и чинов всегда хватало.

Уже в январе 1742 г. Финч счел нужным отметить ропот в гвардии. Затем эти настроения стали материализовываться: летом этого года преображенский прапорщик Петр Квашнин, камер-лакей Александр Турчанинов и измайловский сержант Иван Сновидов сочли возможным собрать «партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возратить». На вопрос, что делать с императрицей, Турчанинов прямо пояснил: «Где он их увидит — заколет».¹⁴²

«Дело Лопухиных» выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743 г. не стеснялся заявлять о скорых «переменах» в правительстве и воцарении опять же «принца Иоанна», при этом называл многих недовольных происшедшим переворотом офицеров.¹⁴³

Недовольство проявляли даже искренние сторонники бывшей опальной цесаревны. Сосланный еще в 1740 г. за выражение сочувствия к правам Елизаветы капитан Петр Калачов по возвращении из Сибири (по распоряжению Анны Леопольдовны) был пожалован в майоры и отставлен «с денежным награждением». Однако таким обращением был обижен и затеял тяжбу о возвращении своих якобы незаконно отчужденных «деревень», в ходе которой четыре раза подавал «доклады» императрице.

Интересно в данном случае не столько желание майора вернуть свои давно заложенные имения, сколько его уверенность в том, что Елизавета

«возведена на российский престол через ево, Калачова, первого». Поэтому, считал он, его семье вполне уместно быть «при дворе», а ему самому «поручить в смотрение табашной и питейный сборы» по всей стране. В своем «бессовестном неудовольствии» верноподданный майор грозил императрице «бунтом», поучал ее отпустить свергнутого Ивана III с отцом за границу и полагал, что «такова в государстве разорения и неправосудия не бывало» из-за «воров» и «изменников», к числу которых относил весь Сенат вместе с генерал-прокурором, вице-канцлера М.И.Воронцова и многих других высших чиновников.¹⁴⁴

Елизавета присматривала за отдельными офицерами — например, за буйным в молодости гвардейцем и полковником Воронежского полка П.А.Румянцевым. Извещая родителей о поведении сына, она писала, «что де уши у меня далеко слышат».¹⁴⁵ Для этого были основания. В 1749 г. поручик Ширванского полка Иоасаф Батулин предложил великому князю Петру Федоровичу возвести его на престол: «Заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части». Замысел офицера интересен тем, что захват власти он мыслил произвести с помощью бунта московских фабричных рабочих, которых его сторонники уже начали «подговаривать».¹⁴⁶

Приводить в чувство приходилось не только офицеров, но и солдат; списки осужденных в первые годы правления Елизаветы включают многих унтер-офицеров и рядовых гвардии, которые за «непристойные слова» отправлены на Камчатку, в Оренбург и другие дальние гарнизоны.¹⁴⁷

Крамольные мысли в ту эпоху посещали уже и лиц «подлого звания», вступающая в неразрешимый конфликт с традиционной культурой и представлениями о власти, как у армейского солдата Василия Трескина из гарнизона крепости св. Анны. Майской ночью 1756 г. на казарменных нарах «пришла ему, Трескину, мысль одному и рассуждал сам с собой один: что де вить невеликое дело государыню уязвить; и ежели он, Трескин, когда будет в Москве или в Санкт-Петербурге и улучит время где видеть милостивую государыню, то б ее, государыню заколоть шпагою. И думаячи де оное, в то ж самое время пришел он от того в страх и, желая по самое чистой своей совести пред Богом и пред ея императорским величеством принести в том добровольную повинную»; т.е. он сам на себя донес «по первому пункту», был выгнан, этапирован в Петербург и по дороге в Москве покончил с собой.¹⁴⁸

Пройдя путь от открытого столкновения придворных группировок в относительно «цивилизованных» формах 1725 и 1730 гг., практика политической борьбы привела к форме «военного» переворота 1740 г.; наконец, в 1741 г. гвардия оказалась на грани выхода из-под контроля. Решающая же роль гвардии в столице определялась слабостью полиции и небоеспособностью расквартированных в Петербурге армейских частей. По рапорту обер-коменданта столицы С.Л.Игнатьева, в июле 1741 г. из 4 полков гарнизона (4135 строевых при некомплекте в 1317 человек) 2621 солдат и офицер находились в «ближних и дальних отлучках», т.е. на различного рода работах.¹⁴⁹ В строю оставалось только 1106 человек — ничтожная сила по сравнению с гвардейскими полками.

Уроки и последствия переворота

Плата за успех снижением престижа самой императорской власти и ростом своеволия ее опоры не могла не беспокоить Елизавету и ее окружение. Поначалу действовать приходилось не столько кнутом, сколько пряником. 7 декабря 1741 г. императрица угощала преображенцев в той самой казарме, куда она явилась в ночь переворота, и указала построить на месте съезжей избы гренадерской роты храм во имя Спаса Преображения и Св. Сергия. Указ 21 декабря увеличил каждому гвардейскому солдату жалованье на 3 рубля, а сверх того назначил им выдачу особых крестинных и именных денег (на четыре полка в год — около 35 тысяч рублей), но запретил самовольно являться во дворец.¹⁵⁰

В дальнейшем Елизавета постепенно сумела стабилизировать ситуацию в полках. Из гвардии были «выключены» сторонники «прежнего правления» (майор Н.И.Стрешнев, капитаны братья И. и Ф.Остерманы, М.Аргамаков, капитан-поручик И.Бехейм). Императрица требовала предоставления ей еженедельных ведомостей о состоянии полков и даже сведений об исповедовавшихся и причащавшихся.¹⁵¹

Во главе гвардии были поставлены ее доверенные лица: Преображенского полка — престарелый А.И.Румянцев, затем — А.Б.Бутурлин; Семеновского — неизменный А.И.Ушаков, затем С.Ф.Апраксин; Измайловского — К.Г.Разумовский; Конной гвардии — А.Г.Разумовский. Придворные подполковники обеспечивали лояльность своих частей; повседневно же командование осуществляли майоры-строєвики, имевшие необходимый опыт при отсутствии политических амбиций: Н.Соковнин, И.Майков и Ф.Вадковский в Семеновском; П.Воейков, И.Косагов и В.Суворов в Преображенском; И.Гурьев и Д.Чернцов в Измайловском; П.Черкасский в Конной гвардии.

Другой новацией стало постепенное изменение принципа комплектования гвардии. При Елизавете она постепенно теряет свое «дворянское» лицо за счет участившейся практики переводов солдат из армейских полков и одновременного «выпуска» гвардейцев в армию; в гвардейских частях стали появляться новобранцы-рекруты.¹⁵² Но при этом унтер-офицеры и офицеры становились как раз более родовитыми и зажиточными: 80 % офицеров имели более 100 душ, а 33 % — более 500.¹⁵³

Представители таких фамилий проходили свой солдатский «стаж» на учебе дома и попадали в полк уже унтер-офицерами или записывались «сверх комплекта» без жалования: так служили братья Орловы, молодые Д.И.Фонвизин и М.М.Щербатов.¹⁵⁴ Наметившаяся тенденция подрывала корпоративность гвардии, раскалывала ее на «солдатство» и «господ»; с другой стороны, концентрация в полках родовитого и богатого дворянства тоже представляла известную угрозу, что показал переворот 1762 г.

Если Анна Иоанновна противопоставила «старой» гвардии два новых полка, то Елизавета уже 31 декабря 1741 г. создала Лейб-кампанию — привилегированное воинское соединение из числа солдат бывшей гренадерской роты Преображенского полка. Сама она стала ее капитаном; принц Л.Гессен-Гомбургский — капитан-поручиком, Ю.Грюнштейн — прапор-

щиком; прочие офицерские должности в этой «гвардии в гвардии» получили самые близкие к императрице люди — А.Г.Разумовский, М.И.Воронцов, братья П.И. и А.И.Шуваловы. Сержантами, капралами и вице-капралами были назначены наиболее активные заговорщики. В печатном указе все участники переворота были названы поименно; лейб-камpanцы—недворяне получили дворянство, им были составлены гербы с девизом «За веру и ревность» и пожаловано по 29 крепостных душ. К весне 1743 г. сумма расходов на это подразделение из «кабинетских» сумм Соляной конторы составила 143136 рублей.¹⁵⁵

Лейб-камpanцы постоянно сопровождали императрицу в поездках и несли дежурство во дворце. Однако императрица вынуждена была считаться с волей своих «детушек», убежденных в своем особом положении, перед которым былые гвардейские «продерзости» выглядят детскими шалостями.¹⁵⁶ Причиной, скорее всего, был страх перед возможным переворотом, который не отпускал императрицу до конца ее жизни.¹⁵⁷

В высших эшелонах власти также осуществлялись перемены. Из 14 членов нового Сената 4 состояли в нем при Анне Иоанновне (В.Я.Новосильцев, Г.П.Чернышев, А.Л.Нарышкин, А.И.Ушаков); 2 — при Бироне (И.И.Бахметев) и Анне Леопольдовне (А.Д.Голицын). Остальные же (бывшие кабинет-министры А.М.Черкасский и А.П.Бестужев-Рюмин, И.Ю.Трубецкой, С.А.Салтыков, Н.Ф.Головин, М.М.Голицын, А.Б.Куракин, Г.А.Урусов) также успешно служили во времена «бионовщины».¹⁵⁸ Сохранили свои посты канцлер А.М.Черкасский и встречавший без единой опалы уже пятое царствование генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой, несмотря на сомнения в его лояльности.¹⁵⁹

Заверения в высочайшей милости были даны московскому главнокомандующему графу С.А.Салтыкову. Глава Тайной канцелярии А.И.Ушаков получил повеление состоять при императрице «безотлучно»: необходимость в его услугах была в глазах Елизаветы очевидной, и она 2 декабря 1741 г. отменила уже состоявшееся назначение главного следователя в действующую армию. Ушаков остался в милости до самой смерти в 1746 г.; однако, несмотря на исключительное доверие к нему императрицы, известны случаи, когда она проводила расследования помимо Тайной канцелярии и ее начальника.¹⁶⁰ Количество же расследуемых этим учреждением дел намного выросло, особенно во второй половине елизаветинского царствования. Наш подсчет по перечневым ведомостям, составленным при передаче в архив документов Тайной канцелярии, показывает, что при Анне Иоанновне в среднем за год рассматривалось 161 дело, а при Елизавете — 277.¹⁶¹

Таковыми же корректными были назначения в системе управления (см. Приложение, Таблицы 1 и 2). Только в Иностранной, Военной и Коммерц-коллегии прежнее руководство было устранено в ходе переворота: принца Антона, Остермана и К.Л.Менгдена сменили соответственно В.В.Долгоруков, А.П.Бестужев-Рюмин и Б.Г.Юсупов.

Сохранили свои посты руководители Адмиралтейства (Н.Ф.Головин), Юстиц-коллегии (И.Ю.Трубецкой), Вотчинной коллегии (И.В.Одоевский), Камер- и Ревизион-коллегии, хотя президенты двух последних

(Г.М.Кисловский и Н.С.Кречетников) были назначены в «незаконное правление». До конца 1744 г. оставался на посту генерал-полицеймейстер Ф.В.Наумов. Еще три назначения были связаны с восстановлением петровских Берг- (генерал-майор А.Ф.Томилов), Мануфактур-коллегий (генерал-майор А.Т.Барятинский) и Главного магистрата (В.П.Хованский). Умершего начальника Сибирского приказа А.Л.Плещеева сменил Н.П.Салтыков.

В провинции также прошли кадровые перестановки: в 1742 г. были назначены новые губернаторы Белгородской (П.М.Салтыков), Астраханской (В.Н.Татищев), Смоленской (М.И.Философов), Нижегородской (Д.А.Друцкий); вице-губернаторы Новгородской (Г.И.Орлов), Лифляндской (В.П.Долгоруков) и Московской (В.П.Салтыков) губерний; главнокомандующим в Москве стал А.Б.Бутурлин. В 1743 г. А.М.Пушкин сменил в Архангельске умершего А.А.Оболенского, а в Ревель был направлен генерал-лейтенант П.А.Голштейн-Бек.

Обновление администрации трудно признать радикальной чисткой или полной сменой правящей верхушки. Пришедшая к власти цесаревна не имела в своем распоряжении ни сложившейся «партии», ни преданных ей лично «немцев», как у Анны Иоанновны; а члены ее двора (Разумовские, Воронцовы, Шуваловы) по молодости и неопытности на первые роли еще не годились.

Скорее можно говорить о плавном перемещении по кругу при сохранении ключевых фигур — таких, как А.И.Ушаков или Н.Ю.Трубецкой, — и даже родственников опальных: Дворцовую канцелярию возглавил брат сосланного фельдмаршала Х.-В.Миних, а брат М.Г.Головкина сохранил ответственный пост посла в Гааге. Уходившие со своих постов обычно не попадали в опалу, а просто меняли место службы, как бывшие сенаторы (за исключением В.И.Стрешнева): П.М.Шипов получил назначение в Штатс-контору, Я.П.Шаховской стал обер-прокурором Синода, А.М.Пушкин — архангельским, а М.И.Философов — смоленским губернатором.

Опорой Елизаветы стали старые слуги ее отца. Однако это поколение деятелей начало сходить со сцены: в 1742—1749 гг. умерли А.М.Черкасский, С.А.Салтыков, Г.А.Урусов, В.Я.Новосильцев, Г.П.Чернышев, Н.Ф.Головин, В.В.Долгоруков, А.И.Ушаков, А.Б.Куракин, И.Ю.Трубецкой, А.И.Румянцев.¹⁶² Оставшиеся образовали новые враждебные «партии».

Императрица успешно использовала проверенный способ: образование сначала временных консилиумов, а затем еще одного высшего совета — Конференции при высочайшем дворе, не получившей, в отличие от Кабинета министров, никаких формальных прав.¹⁶³

Другим способом стала массовая «ротация кадров» в системе управления, дважды осуществленная за время царствования (см. Приложение, Таблицы 1 и 2; Диаграммы 1 и 2). В марте 1753 г. одновременно были смещены президенты 6 коллегий (Камер-, Ревизион-, Берг-, Мануфактур-, Юстиц- и Вотчинной — см. Приложение, Таблица 1), а также начальники Сысского, Судного и Сибирского приказов, Канцелярии конфискаций и Монетной канцелярии. В Сибирской, Смоленской и Эстляндской гу-

берниях появились новые губернаторы; в Петербургской, Лифляндской и Новгородской — вице-губернаторы (см. Приложение, Таблица 2).

Следующая такая операция была проведена в августе 1760 г. В состав Конференции были введены близкий Елизавете А.Б.Бутурлин, противник Шуваловых Я.П.Шаховской и И.И.Неплюев — зять Н.И.Панина, одновременно ставшего воспитателем маленького Павла. Одновременно был расширен состав Сената: туда вошли А.И.Шувалов, Р.И.Воронцов, И.И.Неплюев, А.Г.Жеребцов, П.Г.Чернышев, обер-комендант столицы И.И.Костюрин, генерал В.И.Суворов и бывшие президенты коллегий Я.Л.Хитрово и М.И.Шаховской.¹⁶⁴ Кроме того, сменились президенты шести коллегий и губернаторы в восьми губерниях; появились новые руководители в Соляной конторе, Сыском и Судном приказах. Наконец, в том же году был обновлен состав комиссии для составления нового Уложения, брат канцлера Р.И.Воронцов стал ее новым председателем.

В целом последний «бюрократический переворот» затронул около 60 должностей.¹⁶⁵ Причины каждого персонального назначения (тем более принадлежность конкретного лица к той или иной родственно-клиентской «сети») и в 1753 г., и в 1760 г. определить трудно. К тому же в последнем случае большинство кандидатур было согласовано членами Конференции и подано в виде ее доклада на утверждение.¹⁶⁶ Однако названных выше новых членов Конференции Елизавета выбрала сама вместо предложенных ей А.Г.Разумовского и И.И.Шувалова, то же происходило и с другими «назначенцами». Современники и историки связывали эти перемены с изменением придворного расклада — ослаблением влияния братьев П.И. и А.И.Шуваловых.¹⁶⁷

При этом, как и в 1741—1742 гг., кадровые перемены не сопровождалась опалами и представляли скорее «плановую» перестановку ответственных лиц внутри государственного аппарата. Я.П.Шаховской сменил Н.Ю.Трубецкого на посту генерал-прокурора, а тот стал президентом Военной коллегии. И.И.Юшков в 1753 г. возглавил Судный приказ, в 1760 г. был переброшен в президенты Камер-коллегии, а ее прежний начальник М.И.Шаховской стал сенатором вместе с президентом Вотчинной коллегии Я.Л.Хитрово, чье место занял М.К.Лушин. Лифляндский вице-губернатор В.П.Долгоруков сделался в 1753 г. губернатором соседней Эстляндской губернии; ставший в том же году вице-губернатором в Киеве И.И.Костюрин сначала был сделан столичным обер-комендантом, а в 1760 г. — сенатором.

Сравнение кадровой политики в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны показывает, как нам представляется, некоторые значимые различия в ее практическом осуществлении (см. Приложение, Диаграммы 3 и 4). За 20-летнее царствование Елизаветы репрессии в адрес руководителей учреждений применялись почти в два раза реже, чем в десятилетие «бионовщины». В обратной пропорции возросло количество должностных лиц, скончавшихся при Елизавете на своем посту. Соответственно увеличилось при дочери Петра количество отставок и уменьшилось количество переводов на другую работу. Все это можно объяснить как более «спокойным» характером царствования, так и сменой поколений — уходом из жизни старших по возрасту «птенцов гнезда Петрова».

Что же касается губернаторов, то здесь картина несколько иная (см. Приложение, Диаграммы 5 и 6). Она также отражает уменьшение репрессивных мер при смещении должностных лиц; но одновременно показывает, что и при Анне, и при Елизавете имели место колебания при назначениях, в результате которых 8 % губернаторов так и не приступили к своим обязанностям: получили новое назначение или остались при старой должности.

К сожалению, нам остается неизвестной причина сравнительно большой доли смещений (11 % при Анне и 26 % при Елизавете), и это обстоятельство несколько «смазывает» динамику процесса. Но, похоже, что, в отличие от кадров в аппарате центрального управления, институт губернаторства при Елизавете еще не устоялся: в этой системе стабильности было меньше, о чем свидетельствуют одинаковые показатели отставок губернаторов при Анне и при Елизавете.

Сравнение по чинам корпуса высших государственных служащих и губернаторов (см. Приложение, Диаграммы 7, 8, 9, 10) показывает одинаковую тенденцию: постепенное закрепление статуса руководителей этого уровня в III—V классах Табели о рангах. У губернаторов лица в этих чинах составляли 71 % при Анне и 79 % при Елизавете; у начальников коллегий и канцелярий — соответственно 57 % и 70 % при сокращении доли чинов VI—VII ранга. IV (генерал-майорский) чин становится основным (46 %) для губернаторского поста; высшие военные III и II чина также стабильно составляют соответственно 36 % и 39 % в основном за счет генерал-губернаторов и главнокомандующих в столицах. Особенно часто такие временные главнокомандующие назначались при Елизавете.

У руководителей учреждений дифференциация по чинам более дробная, в зависимости от уровня самих учреждений: статус глав «первейших» коллегий был намного выше положения начальников приказов и канцелярий; однако и здесь число должностных лиц IV класса возросло с 20 % до 32 %.

Удачей (или талантом?) Елизаветы стало сочетание никогда не покидавшего ее «чувства власти» (по определению Е.В.Анисимова) с невмешательством в повседневную работу государственной машины. Последнее обеспечивало спокойное течение дел, в то же время исключая непредсказуемое воздействие некомпетентных лиц или слишком заинтересованных «партий» на работу аппарата. За это Елизавете обычно критикуют;¹⁶⁸ но именно этот баланс в сочетании с известной децентрализацией управления (существование Конференции и Сената; раздробление военного ведомства; восстановление Кабинета императрицы с неопределенными полномочиями¹⁶⁹) делал невозможным появление мятежных групп и «переворотных» ситуаций на протяжении ее долгого царствования.

Сохранились и отлаженная при Анне «должность» фаворита, и практика постоянных раздач-милостей из царских рук.¹⁷⁰ Тайная канцелярия при Елизавете работала не менее активно; но резкое сокращение репрессий по отношению к дворянству исключало повторение процессов времен «бионовщины», подобных «делам» Голицыных, Долгоруковых, Волынского.

Елизавета уладила вопрос о престолонаследии. Пятого февраля 1742 г. в Россию привезли ее племянника, голштинского принца Карла-Петра-Ульриха, а уже 7 ноября после принятия православия он был объявлен наследником престола; было указано поминать его на богослужении как «внука Петра Первого, благоверного государя великого князя Петра Федоровича». Но принципиально изменять или отменять петровский указ 1722 г. Елизавета не стала, хотя предыдущие случаи уже показали опасность такой правовой неопределенности. Она также не сумела решить проблему экс-императора Ивана III. Все 20 лет ее правления беспокойство по поводу узника не оставляло ее, а фигура принца оставалась «катализатором» переворотных надежд внутри страны и каких-то не вполне ясных планов зарубежных политиков.

С 1742 г. среди охранявших брауншвейгское семейство в Риге гвардейцев стали вестись разговоры о порядке наследия престола. В 1743 г. за здоровье Анны Леопольдовны и ее сына поднял тост в сибирской глуши иноземец-портной «из Ангальтского княжества» Иван Зибек.¹⁷¹ В июне 1745 г. императрица лично допрашивала дворянина А. Беклемишева, показавшего на своих знакомых, сожалевших об участии свергнутой правительницы и ее сына и якобы мечтавших о «республике». Но из болтовни Беклемишева следовало, что его знакомые офицеры братья Новиковы и капитан И. Зиновьев республиканские порядки понимали своеобразно: «Россию разделить в княжении в рознь и всякой да у них по княжению взять хотел», — и дело серьезным заговором не пахло. Однако следствие показало, что «в гвардии есть такие, что о принце сожалеют».¹⁷²

Винился в желании, «чтоб оному принцу быть на всероссийском престоле», поручик Канцелярии от строений Евстафий Зимнинский, не исключавший покушения на императрицу из пушек: «Зарядя их дробью, расстрелял ее на розно».¹⁷³ Информация о самом принце в столице распространялась из первых рук: многие гвардейцы командировались в караул к брауншвейгскому семейству и, подобно сержанту-преображенцу Ивану Назарьеву, не считали нужным скрывать, что принц «весьма умен».¹⁷⁴

Подобные разговоры порождали отклик, особенно у тех, кто считал себя обойденным. В 1748 г. в Тайную канцелярию вновь попал бывший адъютант Антона-Ульриха П. Грамотин: проведя несколько лет в ссылке, он был по-прежнему уверен, что «будет на царстве Иван Антонович вскорости». Еще через несколько лет следователям пришлось разбираться с полковником Иваном Ликеевичем, предлагавшим в своих докладах Елизавете и канцлеру Бестужеву скорее отпустить «принца Иоанна» за границу: ведь от долгого заключения пленник «как зверь будет»; после смерти императрицы непременно произойдет выступление его сторонников и наследник Петр Федорович будет изгнан в Голштинию.¹⁷⁵

Многие из «сторонников» свергнутого императора, независимо друг от друга, рассчитывали на помощь из-за границы. О поддержке принца Пруссией и Австрией говорил Иван Лопухин. Друг названного выше поручика Зимнинского «магазин-вахтер» И. Седерстрем верил в участие прусского и английского короля; на Фридриха II и Францию полагался П. Грамотин.¹⁷⁶

Возможно, все эти разговоры являлись отражением реально возросшего при Елизавете вмешательства иностранной дипломатии во внутренние дела страны. В поле зрения Тайной канцелярии систематически попадали люди, чьи связи вызывали самые серьезные подозрения.

В 1744 г. в Риге был арестован лифляндский барон Стакельберг, на которого уже поступил «сигнал» из Кенигсберга: там в «вольном доме» бывший офицер шведской службы заявил, что русская государыня «никогда на престоле спокойна не будет», и намекал на свои шведские связи и планы войны с Россией. Едва барона отправили в Сибирь, как на него поступил новый донос. Ссылный подполковник Даниил Опочинин сообщал, что Стакельберг хорошо осведомлен о месте заточения семейства Антона-Ульриха и смерти его жены, а в Кенигсберге в 1743 г. встречался с брауншвейгским дипломатом Кейзерлингом и собирался с помощью прусского короля освободить или, по крайней мере, наладить связь с пленниками. Из дела следует, что Стакельберг был знаком с другим сторонником принца — бывшим семеновцем И. Путятиным, замешанным в дело Лопухиных. На сибирских просторах им довелось встретиться и в дружеской беседе обсудить, как сделать, чтобы «государыне не быть», а фельд-маршала Миниха по подложному указу освободить из ссылки. На допросах барон категорически «заперся», беспокойного лифляндца на всякий случай отправили за Полярный круг — в Мангазею, где держали в «железах» вплоть до 1763 г.¹⁷⁷

В 1745 г. новое предостережение поступило из Англии. Русский посол И. А. Щербатов со ссылкой на прибывшего из Петербурга итальянца-учителя Л. Фоссати и его соотечественника Пискаторе докладывал, что некий итальянский кондитер Джузеппе Алипранди, состоявший в 1742 г. в голштинской свите наследника Петра Федоровича, уполномочен от брауншвейгского двора «привести на престол Иоанна» и даже обещал «ядом окормить императрицу всероссийскую». Через два года прибывший в Россию «конфетурщик» вместе с семейством был препровожден прямо в Петропавловскую крепость, где подвергнут строжайшим допросам вместе с женой; содержимое его багажа попало на криминалистическую экспертизу к лейб-медикам Бургаве и Кондоиди. Кондитер отрицал все обвинения, хотя и признал, что заезжал в Брауншвейг, но исключительно с целью заработка. В привезенных им лекарствах и «лакомствах» ничего вредного не обнаружили; но все же семейство «Жузепе Алипрандия» сослали в Казань, где оно провело 15 лет под охраной, несмотря на ходатайство посла об освобождении подданного австрийской короны.¹⁷⁸

В обоих случаях Тайной канцелярии не удалось отыскать иностранный («брауншвейгский» или «пруссский») след в деятельности арестованных, однако категорически его исключать нельзя, тем более что иностранные посланники в России были неплохо осведомлены о положении заключенных и их перемещениях.¹⁷⁹ Фридриха II явно интересовала фигура заточенного принца: в начале 40-х гг. он подавал Елизавете советы, как охранять престол от брауншвейгской династии,¹⁸⁰ позднее — если верить показаниям купца И. Зубарева — король поручил ему «скрасть Ивана Антоновича и отца его» и устроить бунт для возведения принца на пре-

стол.¹⁸¹ В донесениях датского и французского посланников содержались упоминания о каких-то «разговорах» в дворянских кружках во время болезни Елизаветы в 1749 г. по поводу возможного ареста Петра Федоровича и возведения на престол Ивана III.¹⁸²

Однако даже если считать, что никаких попыток освобождения Ивана Антоновича внутри страны и извне не было, сама убежденность в их наличии — вместе с другими свидетельствами подследственных — показательна. Несмотря на все официальные усилия, о свергнутом императоре помнили.¹⁸³ О нем говорили и лейб-камpanцы (хотя бы браня «и отца его и мать... по матерны»), и их оппоненты; суждения о его участии можно было слышать «по всем ямам», в столичной Москве и далеком Тобольске.¹⁸⁴ При этом, вопреки имеющемуся в литературе мнению, свергнутый император пользовался некоторым сочувствием именно в гвардии и дворянском обществе.¹⁸⁵ В массовом сознании «подлых» он, по-видимому, не расценивался как «свой»: в отличие от лже-Алексеев, Петров II и Петров III, вышедших из народа самозванных Иванов III, кажется, не появлялось.¹⁸⁶ Либо действительно мальчик-император воспринимался как «чужой», либо можно говорить об эффективности пропагандистских усилий Елизаветы по дискредитации «незаконного правления».

Зато с воцарением Елизаветы стали появляться самозванные «потомки» ее отца, которого при жизни как раз считали и «неистовым царем», и «подменным шведом». В 1742 г. в Тобольске при принесении присяги в соборе наследнику престола Петру Федоровичу объявил о своих правах флотский лейтенант Иван Дириков, по его словам — настоящий сын Петра I, подписавшего, будучи в Сенате, протокол, «что по кончине ево всероссийской империи быть наследником ему, Ивану».¹⁸⁷

Списки «клиентов» Тайной канцелярии свидетельствуют, что в 1747 г. сыном Петра I назвался подпоручик гвардии Дмитрий Никитин; вместе с ним по ведомству А.И.Ушакова проходили и другие «дети» императора, которые размещались «неисходно до смерти» по монастырям. Дириков угодили в заточение в Иверский монастырь, «Петры Петровичи» (один дворец Аверьян Калдаев и канцелярист Михаил Васильев) содержались в Усольском Воскресенском и Серпуховском Высоцком монастырях; в Троицком Калязинском монастыре был заключен «царевич Александр Петрович» — канцелярист Василий Смагин.¹⁸⁸ В 1755 г. в Варшаве объявился еще один «брат» императрицы и «крестник» французского короля Луи Петрович, которого русские дипломаты тщетно пытались заманить на российскую территорию.¹⁸⁹ Периодически возникали слухи о «живом» Петре II.¹⁹⁰

«Механизм» появления таких «претендентов» еще далеко не ясен: его трудно однозначно отнести как к «нижнему», народному, так и к «верхнему» самозванчеству (по терминологии Н.Я.Эйдельмана), свойственному правящему слою. Однако в иных случаях (например, с И.Дириковым) следствие — при всей относительности «экспертизы» в Тайной канцелярии — приходило к выводу о вменяемости «претендентов». Характерно, что в данном случае Елизавета отказалась от проведения расследования (а вдруг обнаружатся «грехи молодости» Петра в Воронеже, на чем настаивал Дириков?), и самозванца было приказано считать «помешанным в уме».

Возможно, появление петровского «племени» объясняется не только настроениями социального протеста и эсхатологическими ожиданиями «избавителя», но и в какой-то степени преобразенным в массовом сознании образом первого императора, противопоставлявшимся той действительности, которая официально считалась восстановлением петровских традиций.

Длительность царствования Елизаветы объясняется отнюдь не только его «национальным» характером: при всем несходстве с отцом она как правительница на голову превосходила своих предшественниц. Она могла быть жесткой, даже жестокой; умела использовать в своей политике если не дух, то, по крайней мере, «букву» замыслов своего отца; самое главное — была способна объективно и трезво оценивать своих советников, выбирать среди них наиболее умных и компетентных и умело лавировать среди соперничавших группировок, не давая никому исключительных прав и преимуществ.¹⁹¹ До самого «падения» А.П.Бестужева-Рюмина в 1758 г. придворная борьба протекала в относительно приличных границах. Правящие круги усвоили данный им урок: отныне даже самые острые противоречия в верхах больше не разрешались путем непосредственного обращения к «солдатству». Но сами движущие силы российского «переворотства» еще не исчерпали своих возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сб. РИО. Т.92. С.132,215,229,299,348. Судя по заявлениям Елизаветы, она рассчитывала и на А.И.Остермана (см.: Там же. С.215). Не послужил ли провал этих расчетов причиной расправы с «непотопляемым» прежде вельможей?

² Там же. Т.96. С.348.

³ См.: *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911. С.131-140; *Наумов В.П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.55-56; *Павленко Н.И.* Елизавета Петровна // Родина. 1994. № 7. С.74; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.ХI. С.101-124; *Фирсов Н.Н.* Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887. С.138-143.

⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 747. Л.4.

⁵ См.: Сб. РИО. Т.91. С.269; Т.92. С.149,191; Т.96. С.252; *Семевский М.И.* Елизавета Петровна до вшествия своего на престол // Русское слово. 1859. № 2. С.57.

⁶ Правда, из объяснений «сыщиков» (переодетых гвардейских солдат) следует, что главным объектом наблюдений был фельдмаршал Миних (см.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.307-309,314-316).

⁷ Сб. РИО. Т.91. С.98-99. Эта информация Финча сохранилась в виде записки на французском языке, озаглавленной архивистами прошлого века «План тайных мероприятий против бывшего в 1741 г. правительства» (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 9. Л.8).

⁸ Сб. РИО. Т.92. С.229-230.

⁹ Там же. С.403.

¹⁰ Рассказ Шетарди от 9 (20) июня о том, как цесаревна уговаривала гвардейских офицеров в Летнем саду отложить преждевременное выступление («Не делайте себя несчастными, дети мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смиренно: время не пришло»), имеется только в публикации П.П.Пекарского; в тексте депеши по изданию РИО его нет (см.: *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740-1743 годов. СПб., 1862. С.260). Это обстоятельство ставит вопрос о достоверности публикации П.П.Пекарского: она осуществлялась, как указал сам автор, не по подлинным дипломатическим документам, а по копиям, сделанным А.И.Тургеневым.

¹¹ См.: Сб. РИО. Т.96. С.294-295,353.

¹² См.: Там же. С.426.

¹³ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.85-87.

¹⁴ Сб. РИО. Т.96. С.604,609.

¹⁵ См.: Там же. С.518.

¹⁶ Например, в октябре 1740 г. крепостные князя Мышецкого в избе обсуждали текущие политические новости: кому быть царем после «земного бога Анны Иоанновны». Когда прозвучало

имя Елизаветы, то хозяйин, Филат Наумов, лежа на печи, «отвел» ее недостойную кандидатуру: «Слышал он, что она выבלядок» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.154-155).

¹⁷ Едва ли не единственным случаем такого рода стало письмо к ней «польской нации шляхтича» Петра Прокофьева о бывшем ему «гласе с неба»: он, как российский царь Петр, должен взять в жены «российскую цесаревну Елизавету». В сентябре 1741 г. дело было передано в Синод, в чьем ведении состояли душевнобольные (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.642 об.-643).

¹⁸ См.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.90-91.

¹⁹ Цит. по: Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880. Кн.1. С.240, 248.

²⁰ См.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.21.

²¹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.228; № 114. Л.9.

²² См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.224.

²³ См.: Там же. Оп.11. № 72. Л.21-21 об.

²⁴ См.: Там же. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.14,40 об.,42 об.,54,81 об.,148 об.,174-175; Ч.2. Л.5,7; № 75. Л.1.-2,15 об.,86 об.-87; № 196. Л.3 об.,23 об.,24,27-27 об.,39-39 об.

²⁵ Там же. № 63. Ч.1. Л.91 об.

²⁶ См.: Там же. № 214. Л.7.

²⁷ См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.44.

²⁸ См.: Там же. № 219. Л.8-8 об.

²⁹ См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.158 об.,203-203 об.

³⁰ См.: Там же. Л.275-275 об.,286 об.; Ч.2. Л.25 об.,36,42,45,47 об.,49 об.,50 об.,51,73 об.,74,161.

³¹ Преображенский солдат Иван Ветчинкин жаловался, что их с утра посылают на работу. Другой преображенец, Василий Бурый, считал, что Елизавету несправедливо «отрешили от российского престола». Измайловский солдат Андрей Псишев на упреки капрала завил ему: «Тако ты черту присягал, а не государю!» Точно так же («чорту ты служишь») поступил и его сослуживец Леонтий Сокольников. Столь же непочтительно отзываться об императоре («Какому де вы чорту присягали») позволяла себе и «штатская» старушка Татьяна Иванова. Музыкант Павел Муромов был уверен, что «генерал-фелтмаршал фон Миних и другие генералы, и генерал фелтцейхмистер, да и третей император дураки». «Гошпитальный надзиратель» Михаил Крюков выражал о власти предрержавших еще более резко: «Только они Россию-ту нашу ядят» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.659,664,667-667 об.; № 781. Л.3 об.; № 785. Л.3 об.-4 об.; № 803. Л.5 об.; № 823. Л.3 об.; № 807. Л.6 об.).

³² Д.Кип даже предполагал, что начальник Тайной канцелярии А.И.Ушаков намеренно тормозил расследование таких «непристойных слов», поскольку вел «двойную игру» по отношению к правительнице (см.: *Keep J.* The Secret Chancellery, the Guards and the Dynastic Crisis of 1740-1741 // *Forschungen zur Geschichte Osteuropa.* Berlin, 1978. Bd.25. S.190).

³³ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.2. Л.181 об.,182 об.,208,144; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.27,62 об.

³⁴ См.: АВПРИ. Ф.77. Оп77/1. 1741 г. № 18. Л.574. На аудиенции у Остермана 9 и 13 октября посол Мухаммед Хуссейн хан сообщил об успешном походе в Индию и беседовал «о некоторых делах, заключающих пользу обеих высочайших держав». Однако содержание этих бесед в деле о посольстве в АВПРИ не раскрывается.

³⁵ О придворных праздниках см.: Сб. РИО. Т.91. С.294-295,331,337; Т.96. С.358,399,467,489.

³⁶ См.: АКВ. Кн.25. С.41; Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.194,470-471. В литературе называется разное количество солдат; но наиболее обоснованным выглядит суждение С.А.Панчулидзева о том, что ведущую роль сыграли первыми пожалованные Елизаветой в сержанты Лейб-кампании 9 человек (см.: *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724-1799-1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.234). О ведущей роли в «революции» шестерых гренадеров сообщил находившийся в это время в Петербурге брат Антона-Ульриха принц Людвиг (см.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.323).

³⁷ О Грюнштейне см.: Сб. РИО. Т.6. С.392-394; РГАДА. Ф.14. Оп.1. №47. Ч.1. Л.51-52.

³⁸ См.: АКВ. Кн.25. С.104-105; Сб. РИО. Т.96. С.351.

³⁹ См.: Перевороты и войны. С.195; *Семевский М.И.* Указ. соч. С.262.

⁴⁰ См.: Краткая реляция восшествия ее императорского величества всемилостивейшей государыни Елисавет Петровны на всероссийский отеческий престол // РА. 1872. № 6. С.1174; Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // РВ. 1842. № 4. С.10-11.

⁴¹ См.: АКВ. Кн.25. С.39; *Валишевский К.Ф.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С.31; В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С.64; На российском престоле, XVIII век. М., 1993. С.228; *Пауленко Н.И.* Указ. соч. С.76; Перевороты и войны. С.194-195,471.

⁴² См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.261-262; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 304. Л.23 об.-24 об.,44.

⁴³ См.: Сб. РИО. Т.96. С.630-631. Саксонский резидент Пецольд сообщил в Дрезден 24 ноября 1741 г., что правительница предъявила Елизавете названное выше «письмо из Бреславля» (см.:

РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.699). По данным брауншвейгских дипломатов, таких бесед было две (15 и 23 ноября 1741 г.), но они опять же касались только Шетарди и Лестока (см.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.97).

⁴⁴ В ночь переворота цесаревна отправилась из своего Смольного дворца на полковой двор преображенцев, хотя рядом с ее резиденцией находились казармы Конной гвардии (см.: *Петров П.И.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях, 1703-1782. СПб., 1885. С.271,446).

⁴⁵ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 38. Л.262 об.,323 об.

⁴⁶ Там же. Ф.32. Оп.1. № 32. Л.184.

⁴⁷ См.: Там же. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.2. Л.216 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.242 об.

⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.167. Сообщение Шетарди о якобы введенных в Петербург 20 ротах ландмилиции также содержится только в публикации П.П.Пекарского – в издании РИО его нет.

⁴⁹ См.: *Панчулидзева С.А.* Указ. соч. С.234-235; *Позье И.* Записки придворного брильянтщика. СПб., 1870. С.87; Сб. РИО. Т.96. С.633. Французский дипломат отнюдь не щедро финансировал цесаревну; русский посол Мардефельд сообщал в Берлин, что Елизавете пришлось заложить свои драгоценности (см.: *Валишевский К.Ф.* Указ. соч. С.33).

⁵⁰ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.275-275 об.

⁵¹ См.: Именные списки е.и.в. Лейб-кампании чинам 1741-1759 гг. // РА. 1880. № 2. С.17.

⁵² См.: РГВИА. Ф.32. Оп.1. № 12. Л.183.

⁵³ См.: АКВ. Кн.25. С.45; Империя после Петра, 1725-1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.38; Перевороты и войны. С.472; Сб. РИО. Т.91. С.339-340.

⁵⁴ Об отказе подполковника поддержать действия заговорщиков сообщал брауншвейгский принц Людвиг (см.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.323). Согласно семейным преданиям, Елизавета прибыла к гвардейцам со своей подругой – женой Л.Гессен-Гомбургского, урожденной княжной А.И.Трубецкой (см.: *Трутовский В.К.* Сказание о роде князей Трубецких. М., 1891. С.187). Сама А.И.Гессен-Гомбургская в письме указывала: «Во время самой революции мой возлюбленный принц придерживался чисто пассивной роли» (см.: *Брикнер А.Г.* Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С.175).

⁵⁵ Империя после Петра, 1725-1765. С.38-39.

⁵⁶ Превратности судьбы. Воспоминания поляка на русской службе // РА. 1898. № 4. С.496.

⁵⁷ Перевороты и войны. С.197; Сб. РИО. Т.91. С.417; Т.96. С.616,649,680.

⁵⁸ ПСЗ. Т.ХI. № 8473.

⁵⁹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 62. Ч.2. Л.243-245 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.245-247 об.

⁶⁰ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.2. Л.66-66 об.

⁶¹ См.: *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993. С.33.

⁶² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.3.

⁶³ Бестужев получил 19833 рубля; принц – 10 тысяч, Черкасов – 7 тысяч и Лесток – 15 тысяч рублей (см.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 6. Л.77,276 об.; № 182. Ч.2. Л.39,50 об.).

⁶⁴ См.: *Индова Е.И.* Дворянское хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С.65,73-77; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т.3. С.96,98,109,112,122,128,134,135,137,150,157,162,163,168.

⁶⁵ Подсчеты сделаны нами по: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 30693. Л.103-107 об. Не указанное в этой ведомости население дворцовой Комарицкой волости исчислено в 23336 душ (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.92). Сведения о пожалованиях Лейб-кампании см.: *Тройницкий С.Н.* Гербы лейб-кампании обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., 1914. С.450-453. См. также: РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.6. № 14241. Л.6; Ф.1239. Оп.3. № 30606. Л.1.

⁶⁶ См.: *Семевский В.И.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С.7.

⁶⁷ См.: Сб. РИО. Т.91. С.346; Сенатский архив. СПб., 1898. Т.5. С.301.

⁶⁸ См.: *Филиппов А.Н.* Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // ЖМНП. 1897. № 2. С.274-291.

⁶⁹ См.: *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993. С.41; Сенатский архив. Т.5. С.302-303,317.

⁷⁰ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.80; Сенатский архив. Т.5. С.302.

⁷¹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1813. Л.52 об.

⁷² Например, Остерман владел более чем 2 тысячами крепостных душ в прибалтийских, подмосковных, украинских и прочих имениях (см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.76,78,84,96,98,109,112,122,128,137-138,157,162-163,168,172,183-184,200; РГАДА. Ф.340. Оп.1. № 4415. Л.27 и далее).

⁷³ Имущество Миниха даже не стали перевозить: императрица решила осмотреть содержимое «лично в означенном доме» (см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.77). Там было что осматривать: в «Ведомостях» объявлялось, что только у Миниха «оказалось одного серебра 700 пуд да золота 5 пуд», а у лучшей подруги принцессы «явилось алмазных вещей на 300 тысяч, белья на 40 тысяч, а кружева на 20

тысяч» (*Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч.2. С.153).

⁷⁴ См.: РГАДА. Ф.340. Оп.2. № 1197. Л.12,34 об.

⁷⁵ См.: *Демкин А.В.* Британское купечество в России в XVIII в. М., 1998. С.117,119,130. При посредничестве этих партнеров сбывались крупные партии поташа, железа, ренжана; они же брали подряды на поставку серебра на российский монетные дворы и сукна для армии. «Пель и сыновья» в 1738 г. выступили посредниками при заключении крупного займа в 750 тысяч гульденов курляндскому герцогу Бирону, но по каким-то причинам сделка не состоялась (см.: *Баши Э.* История экономического развития Голландии в XVI-XVIII вв. М., 1949. С.307.).

⁷⁶ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 595. Л.19-27.

⁷⁷ См.: Там же. № 597. Л.20; РГАДА. Ф.340. Оп.7. № 1197. Л.46.

⁷⁸ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 595. Л.142; Ф.50. Оп.50/1. 1742 г. № 2. Л.178,338,473.

⁷⁹ См.: Там же. 1743 г. № 3. Л.84-84 об.

⁸⁰ Там же. Ф.2. Оп.2/1. № 597. Л.153.

⁸¹ См.: Там же. № 595. Л.375-376 об.

⁸² См.: Отзыв итальянца о главных правительственных лицах во второй половине екатерининского царствования // РА. 1875. № 6. С.125.

⁸³ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8480, 8481, 8492.

⁸⁴ Там же. № 8476. Противоречия между манифестами (Там же. № 8473 и 8476) в «предосудительных пассажах» отмечались зарубежной прессой (см.: АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1742 г. №2. Л.27).

⁸⁵ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т.ХII. № 9133, 9192, 9197, 9213. Официальные акты, очевидно, задним числом закрепляли эту процедуру: так, статский советник С.Тихменев уже в январе 1742 г. подал в Герольдмейстерскую контору свои документы с титулом «принца Иоанна» для обмена (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 250. Л.35).

⁸⁶ См.: ПСЗ. Т.ХV. № 11472.

⁸⁷ См.: В борьбе за власть. С.72-75; Ломоносов и елизаветинское время (издания церковной печати). Пг., 1914. Т.4. С.XXX-XXXI.

⁸⁸ Цит. по: *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т.2. С.5-6.

⁸⁹ Историческое описание... С.9,13; Краткая реляция... С.1179.

⁹⁰ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1959. Т.8. С.243.

⁹¹ См.: *Уртман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1. С.120.

⁹² См.: *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч.3. С.92,117.

⁹³ См.: *Оболенский М.А.* Материалы для русского индекса Librorum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С.192-194. Порой дипломатов тревожили газетные известия о судьбе принцессы Анны и ее детей или о случившихся якобы в Петербурге убийствах наследника престола и французского посла и т.д.

⁹⁴ АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1743 г. № 8. Л.161 об. Новации вызвали споры в Коллегии иностранных дел; кто-то из ее чиновников выражал сомнение в пользе такого подхода: на всех газетчиков денег не хватит, а обделенные «от зависти еще зlostнее прежних о здешнем дворе ведомости вносить станут» (Там же. Л.164 об.).

⁹⁵ См.: Там же. Л.2 об.,6-7. О Ж.Руссе см.: *Шатохина Г.А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси и его связи с Россией // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995. С.39-47.

⁹⁶ О раздаче денежных субсидий «газетирам» см.: АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1747 г. № 6. Л.282.

⁹⁷ Цит. по: *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988. С.46,77,149.

⁹⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.23. № 1557. Л.379.

⁹⁹ См.: АВПРИ. Ф.35. Оп.35/1. № 669. Л.120 об.,122,268.

¹⁰⁰ Еще почти 5 % населения составляли чиновники и 16 % — дворовые своих господ, т.е. тех же придворных, военных и статских чинов (см.: *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С.6-7). Исследователи отмечают «особый настрой» этой городской среды, определяющим элементом которой были военные (см.: *Китнис Б.Г.* Военный элемент в формировании Санкт-Петербурга // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия: Материалы Российской науч. конф. 25 мая 1999 г. СПб., 1999. С.16).

¹⁰¹ См.: *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. С.55; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.140; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.560; *Лобавский М.К.* Русская история XVIII в. М. 1913. С. 63; Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. М. 1957. С.266; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.323; В борьбе за власть. С.52; *Бушуев С.В.* История государства Российского: историко-библиографические очерки, XVII-XVIII вв. М., 1994. С.373; *Волгин И.Л.* Метаморфозы власти: Покушение на российский трон в XVIII-XIX вв. М., 1994. С.29; *Павленко Н.И.* Страсти у трона. М., 1996. С.134; *Щенетов К.П.* Немцы — глазами русских. М., 1995. С.91. Однако высказывались и противоположные мнения: в 1741 г. ликовала только гвардия, а вовсе не все население столицы (см.: *Шишкин И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // ОЗ. 1858. № 5. С.335).

¹⁰² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.4. Л.165-167.

¹⁰³ См.: Там же. Ч.14. Л.850.

¹⁰⁴ См.: *Раскин Д.И.* Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С.230; *Симоны П.К.* Сказки о Петре Великом в записках 1745-1754 гг. // Живая старина. 1903. № 1-2. С.225-227; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 894. Л.4-4 об.

¹⁰⁵ См.: *Курукин И.В.* К вопросу о патриотизме или свидетельства источников об общественных настроениях в период дворцовых переворотов 1740-1741 гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.143-145; *Луттов С.П.* Кто покупал книги в Петербурге второй четверти XVIII в. // История книги и издательского дела. Л., 1977. С.135-137,140,142,144-146,148,150-151,153.

¹⁰⁶ *Тредиаковский В.К.* Избр. произведения. М.-Л., 1963. С.137-138.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1574. Л.5 об.

¹⁰⁸ См.: ГПИБ ОИК. № 29497; *Курукин И.В.* Из дневника московского обывателя: 1741 год // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1997. С.264-268.

¹⁰⁹ См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. М., 1999. С.289-291.

¹¹⁰ Экспедиция Беринга. М., 1941. С.366,368.

¹¹¹ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8577.

¹¹² См.: Там же. Т.ХII. № 8966, 9061, 9383.

¹¹³ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С.94-95.

¹¹⁴ См.: *Сергеевский Н.Д.* Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С.51-60.

¹¹⁵ См.: *Раскин Д.И.* Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. // ИСССР. 1979. № 4. С.183-185.

¹¹⁶ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8673; Т.ХII. № 8867.

¹¹⁷ См.: *Нечаев В.В.* Раскольничья контора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1890. Кн.7. С.16. ПСПРВПИ. СПб., 1905. Т.2. С.74; 1912. Т.3. С.499-500.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портфель 184. Ч.3. № 1. Л.1-24.

¹¹⁹ ПСПРВПИ. СПб., 1899. Т.1. С.495-496; 1912. Т.4. С.273.

¹²⁰ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.85; ПСЗ. Т.ХI. № 8490, 8496.

¹²¹ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 50. Ч.1. Л.30-30 об.

¹²² См.: Там же. Л.31,134-135.

¹²³ См.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7386. Л.1-11. Всего при Елизавете, по нашим подсчетам, было произведено 15 генерал-лейтенантов «немцев» (из 85) и 46 генерал-майоров (из 105) (см.: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С.62-83).

¹²⁴ Как установило следствие, М.Г.Головкин сделал заграничный вклад, находясь не у дел в конце правления Анны Иоанновны, и к 1741 г. успел все эти средства потратить; от Анны Леопольдовны он денег и имений не получал и покупал деревни за свой счет (см.: *Алефиренко П.К.* Отписная ведомость Канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.309; РГАДА. Ф.340. Оп.7. № 1197. Л.266-266 об.).

¹²⁵ См.: Русско-британские торговые отношения в XVIII в.: Сб. док. М.,1994. С.38.

¹²⁶ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750. М., 2000. С.75,239.

¹²⁷ Цит. по: *Фурсенко В.* Дело о Лестоке // ЖМНП. 1912. № 4. С.192-216. Отзыв Мардефельда см.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.551 об. О подкупах придворных и министров Елизаветы см.: *Лиштенан Ф.-Д.* Указ соч. С.75,142,144.

¹²⁸ См.: *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII — начала XIX вв.). М., 1994. С.99-107.

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.101. № 8055. Л.420,426. Приказ был отменен 17 декабря 1741 г.

¹³⁰ АКВ. Кн.29. С.455.

¹³¹ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 998. Л.12-13.

¹³² См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1. С.264; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.141-142,173-174.

¹³³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 956. Л.4.

¹³⁴ См.: Там же. № 5. Ч.5. Л.332 об.,325 об.,331,338 об.,344 об.; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 1999. С.142.

¹³⁵ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 860. Л.107. Поручик в 1742-1744 гг. находился при дворе «у смотрения делания придворных алмазных вещей». За осведомленность в деликатном вопросе он был сослан в Иверский монастырь и заточен «под крепкий караул в особливом месте», а по приказу Екатерины II был в 1763 г. построжен с распоряжением никуда не выпускать, кроме церкви (см.: *Арсеньев А.В.* «Непристойные речи» (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 7. С.80; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 860. Л.165 об.; № 1069. Л.148).

¹³⁶ См.: Там же. № 1179. Л.5 об.

¹³⁷ См.: Там же. № 1408. Ч.11. Л.52.

¹³⁸ Там же. № 1650. Л.4.

- ¹³⁹ См.: Там же. № 1408. Ч.11. Л.8.
- ¹⁴⁰ Там же. № 1401. Л.1. Об отношении к фавору Разумовского см. также: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.195-197.
- ¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1209. Л.5 об.; № 1349. Л.4 об.-5,11 об.; № 1350. Л.4.
- ¹⁴² См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.333-335; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.158.
- ¹⁴³ См.: Там же. С.224-229.
- ¹⁴⁴ С.М.Соловьев привел выдержки из «доклада» Калачова, но комментаторы последнего издания его «История России» не смогли указать источника (см.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІІ. С.623). «Дело» цитировано по: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1060. Ч.2. Л.37,150 об.,158-159,170-170 об. В 1741 г. майор безуспешно пытался вернуть свои «деревни». Сенат рассудил, что они были владельцем заложены и не выкуплены в срок (см.: Сенатский архив. СПб., 1891. Т.4. С.633-637,657-661).
- ¹⁴⁵ Письма к графу П.А.Румянцеву от родителей. СПб., 1890. С.12.
- ¹⁴⁶ См.: *Барсуков А.П.* Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С.14-15; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІІ. С.162-163.
- ¹⁴⁷ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.54 об.,76,170,172,173-173 об.,174 об.,175,194 об.,195-196,197 об.,214.
- ¹⁴⁸ Там же. № 1768. Л.3 об.-4.
- ¹⁴⁹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.13. № 1929. Л.1-3.
- ¹⁵⁰ См.: *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.2. С.72-73; Сб. РИО. Т.91. С.365; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 148. Л.107,121.
- ¹⁵¹ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 21. Ч.1. Л.92-95,115,143. С другой стороны, подчиненные лично своей «полковнице» гвардейские командиры категорически отказывались подавать какие-либо сведения в Сенат (см.: Там же. № 61. Л.6 об.).
- ¹⁵² См.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.244-245; *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия XVIII в. С.27,76.
- ¹⁵³ См.: *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев. 1989. С.94-105. Наши подсчеты подтверждают этот вывод. Так, согласно спискам офицерского состава, 28 поручиков Преображенского полка в 1756 г. имели в среднем по 293 души, а в 1757 — по 395 душ; в 1756 г. 110 сержантов того же полка обладали в среднем 257 душами (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 439. Л.4-7,13 об.-23; № 459. Л.7 об.-9).
- ¹⁵⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 526. Л.41 об.,126.
- ¹⁵⁵ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.П. Л.100. Само понятие Лейб-компания Елизавета не выдумала — так назывались в то время образцовые роты в полках (Конной гвардии, Брауншвейгском кирасирском), комплектовавшиеся лучшими офицерами и имевшие преимущества в снабжении и получении квартир.
- ¹⁵⁶ Гренадеры буянили, резались в карты, пьянствовали и валялись без чувств на караулах в «покоях» императрицы, приглашая туда с улицы для угощения «неведомо каких мужиков»; гуляли в исподнем по улицам, устраивая при этом грабежи и дебоши; могли потребовать, чтобы их принял фельдмаршал, или заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело; их жены считали своим правом брать «безденежно» товары в столичных лавках (см.: *Панчулидзева С.А.* Указ. соч. С.254-287).
- ¹⁵⁷ См.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.132-135.
- ¹⁵⁸ См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т.2. С.11-12; Сенатский архив. СПб., 1890-1891. Т.3-4.
- ¹⁵⁹ Сохранился рапорт бывшего уфимского вице-губернатора Петра Аксакова новой императрице: «Вашего императорского величества всемилостивейшим указом от его светлости принца Гессен-Гуомбургского мне объявлено, не имею ли я подозрения на господина генерал-прокурора князя Трубецкого, на которой всеподданнейше нижайше доношу, что подозрения на него никакого не имею» (РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 162. Л.1). Очевидно, не доверяли князю и гвардейцы: в 1743 г. преобразенский солдат Евдоким Вишаков сообщал лейб-компанцам, что «злойдей» Трубецкой «собирается з гранодерской ротыю и хотел в Петергоф итить и государыню взять», хотя на допросе традиционно сослался на пьянство (см.: Там же. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.11. Л.15).
- ¹⁶⁰ См.: *Веретенников В.И.* Из истории Тайной канцелярии, 1731-1762. Харьков, 1911. С.22-24.
- ¹⁶¹ Подсчитано нами по данным, приведенным в статье М.В.Клочкова (см.: *Клочков М.В.* О тайном архиве при Сенате // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.187-193). Правда, наказания при Елизавете были мягче, чем при Анне Иоанновне: по подсчетам самой Тайной канцелярии за все правление было сослано 36 «чиновных людей» и 729 «подлых»; еще 54 человека отправлены в монастыри (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.162-255).
- ¹⁶² См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.146.
- ¹⁶³ См.: *Фурсенко В.* Конференции и консилиумы в царствование императрицы Елизаветы Петровны // ЖМНП. 1913. № 6. С.405-407. О деятельности Конференции см.: *Наумов В.П.* Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе // Археологический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С.251-252; *он же.* Источники о законодательной деятельности Конференции при высочайшем дворе // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О.Шмидта. М., 1994. С.93-97.

- ¹⁶⁴ См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.147. Указы о смене и назначении чиновников 1753 и 1760 гг. см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.265-266,438-440.
- ¹⁶⁵ Подсчет В.П.Наумова (см.: *Наумов В.П.* Мемуары русских государственных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра, 1725-1765. С.455).
- ¹⁶⁶ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 108. Л.30-33 об.
- ¹⁶⁷ См.: *Наумов В.П.* Вопросы внутренней политики... С.250; *он же.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.69; *Фавье Ж.Л.* Записки // ИВ. 1887. № 8. С.395. На эту же причину указывают расформирование в 1759 г. подчиненного П.И.Шувалову Обсервационного корпуса и сохранившаяся в архиве Воронцовых жалоба того же вельможи на вице-канцлера за «крайние оскорбления» и оппозицию на заседаниях Конференции, где его предложения встречали «смех вместо потребных резолюций» (см.: АКВ. Кн.4. С.187-188).
- ¹⁶⁸ См., например: *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.608-610.
- ¹⁶⁹ Мимо Сената к императрице поступали самостоятельные доклады трех «первейших» коллегий, бумаги из Кабинета, Тайной канцелярии, от генерал-полицеймейстера (см.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.83,85,92-93,125,141).
- ¹⁷⁰ Расходы на двор достигают в середине XVIII в. максимума и остаются на этом уровне до конца царствования (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.89). См. также образцы челобитных о выдаче денег и «деревень» придворными Елизаветы: АКВ. Кн.2. С.610-611.
- ¹⁷¹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 924. Л.5 об.
- ¹⁷² Там же. № 1029. Л.7-8,22,27 об.,53.
- ¹⁷³ Там же. № 1028. Л.3 об.-4 об.
- ¹⁷⁴ Там же. № 1029. Л.152.
- ¹⁷⁵ См.: Там же. № 1208. Л.4; № 1638. Л.146,150. И.Ликеевич был отправлен в Свяязский монастырь, а П.Грамотин — в Новгородский Иверский, где сидел вместе с названным выше поручиком А.Кучиным и подпоручиком И.Сечиным, публично осуждавшим Елизавету на паперти кремлевского Благовещенского собора: «Какая она государыня — она курва, бятка, с Разумовским живет» (см.: Там же. № 1208. Л.246). Ведомый и уже уличенный сутяга, дворовый человек прокурора Моветной канцелярии Илья Долбилов счел возможным ложно донести на своего брата, якобы доставившего вместе с греком-купцом из-за границы деньги заточенному «Антону Урлиху» и собиравшего возвести на престол Ивана Антоновича (см.: Там же. № 1507. Л.15-15 об.).
- ¹⁷⁶ См.: Там же. № 1029. Л.102-102 об.; № 1208. Л.117.
- ¹⁷⁷ См.: Там же. № 944. Л.96, 99 об.,144 об.,189-189 об.,243 об.-246 об.
- ¹⁷⁸ См.: Там же. № 1127. Л.7 об.,28 об.-29 об.,87-88,124.
- ¹⁷⁹ См.: *Корф М.А.* Указ. соч. С.104,188.
- ¹⁸⁰ См.: *Friedrich II.* Politische correspondenz. Berlin, 1879. Bd.2. S.406-407,427,430,436-437; *Jessen H.* Friedrich der Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenberichten. Fribourg, 1965. S.188-189.
- ¹⁸¹ См.: В борьбе за власть. С.189.
- ¹⁸² См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С.197; *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1853. Bd.5. S.106.
- ¹⁸³ О том, что Ивана Антоновича помнили на протяжении всего царствования Елизаветы, см.: *Веретенников В.И.* Указ. соч. С.34-35; *Мыльников А.С.* «Он не похож был на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С.399.
- ¹⁸⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1638. Л.150; № 944. Л.168 об.
- ¹⁸⁵ Ф.Лиштенан считает, что заточенный принц являлся «средоточием надежд как крепостного крестьянства, так и старинной знати» (*Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С.158).
- ¹⁸⁶ Только в 1788 г. к лифляндскому генерал-губернатору Ю.Ю.Броуну явился из Курляндии самозванец, назвавший себя Иваном-Ульрихом, содержавшимся в Шлиссельбурге и якобы отпущенным в 1762 г. комендантом. В Тайной экспедиции быстро установили, что мнимый принц на деле являлся скрывающимся от долгов кременчутским купцом Тимофеем Курдиловым (см.: *Лурье С.С.* Из истории дворцовых заговоров в России XVIII в. // ВИ. 1965. № 7. С.217-218). Сохранившиеся «отзывы» о царе-младенце сочувствием к нему не отличались: например, калужский купец Дмитрий Раков был убежден, что Ивану Антоновичу предстоит «быть на царстве» в качестве появившегося в России Антихриста (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1561. Л.6 об.).
- ¹⁸⁷ См.: *Покровский Н.Н.* Самозваный сын Петра I // ВИ. 1983. № 4. С.186-188.
- ¹⁸⁸ РГАДА. Ф.7. Оп.1 № 5. Ч.5. Л.309 об.-310,321 об.,342,347 об. Дмитрий Никитин в 1740 г. «за взятие Бирона» был из сержантов произведен в прапорщики (см.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.205). Едва ли между этими событиями есть прямая связь; однако интересно было бы проследить, насколько участие в «большой политике» влияло на психологию гвардейцев.
- ¹⁸⁹ См.: РГАДА. Ф.149. Оп.1. № 77. Л.1-11 об.
- ¹⁹⁰ См.: Там же. Ф.7. Оп.1. № 1405. Л.3; № 1423. Л.2; Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.54 об.
- ¹⁹¹ См.: *Наумов В.П.* Елизавета Петровна. С.58.